

Спаситель с нашего двора

16+

Олег Касимов

Олег Касимов

Спаситель с нашего двора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53930025

SelfPub; 2020

Аннотация

Все мы знакомы с общепризнанной библейской версией жизнеописания Иисуса Христа. А что если на самом деле все обстояло не совсем так?.. В ФСБ попадает исторический документ из древней Палестины, датированный первым веком новой эры, но написанный на русском языке. Автором письма является выдающегося советский ученый... Героям книги предстоит совершить нечто такое, что поможет сохранить привычный уклад истории, сохранить будущее, находящееся под реальной угрозой.

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	14
5	23
6	30
7	34
8	38
9	44
10	49
11	54
12	59
13	65
14	69
15	71
16	74
17	78
18	83
19	88
20	93
21	99

Посвящается моему другу – Николаю Казакову, благодаря которому я и взялся за написание сего опуса.

Фатум – неотвратимая судьба, рок, неизбежное.

Словарь Д.Н. Ушакова

Все в этом мире уже предрешено. Наша жизнь, с ее мнимой свободой выбора, – просто иллюзия, насмешка над родом человеческим. Копошиться и дальше в своем муравейнике, теша себя мыслями об индивидуальности, самобытности. Вы даже сами можете шевелить лапками, ползти в выбранном направлении! Как приятно, наверное, в это верить. Вот она – человеческая наивность, непрошибаемая глупость: мы кузнецы своего счастья, нам подвластно все!...

Там, где нет ни прошлого, ни будущего, в «абсолютном настоящем», – все уже свершилось именно так, как должно быть.

Подлое, обманчивое время. Перетекает себе мелким песочком. Тикает, мягко убаюкивая. Его вполне достаточно. Можно, не торопясь, все успеть: решиться на что-то, что-то исправить. Мы верим: его будет много. Будет много всегда!.. Но через мгновение оно обрывается – и всё. Ощущение бездарности бытия пронзает нас в абсолютном настоящем.

Что потом?

Пустота?

Конец?

Начало?

Только тот, перед кем не властно время, может созерцать красоту и мудрость жизни, совершая истинные деяния.

1

Меня словно вывернули наизнанку. Все тело ломило. Звенели натянутые барабанные перепонки. Казалось, еще немного, и голова взорвётся – как в видеоигре: бац, и разлетелась алыми кусками; кровь фонтаном; непослушное тело делает несколько конвульсивных движений и заваливается навзничь.

С трудом попытался открыть глаза, но яркий свет заставил зажмуриться. Я стоял на четвереньках на горячем песке, не находя сил даже пошевелиться. Ладони и колени обжигал раскаленный песок. «Вроде живой», – мысль огромным булыжником перекатилась по голове. Ужасно больно было даже думать. Ладони начинали гореть от ожога, и, похоже, именно этот сигнал, добравшийся до мозга, растормошил чувствительность, заставив подняться. Солнце вышло из зенита, но от этого палить меньше не стало. Я добрал до какого-то кустарника и упал в него, теряя сознание.

Когда я снова очнулся, было совсем темно. Ужасно хотелось пить. Я вышел из своего убежища и оказался на песчаной косе. Чуть поодаль плескалась река. Превозмогая боль, добрал до воды. Она была холодной, но процедура явно пошла мне на пользу.

Получилось... Получилось вроде.

До этого я полагал, что если дело выгорит, то буду орать

от счастья. Буду прыгать, как безумный. Но никакой радости сейчас я не испытывал – ни эйфории, ни адреналина. Просто ясное осознание, что все еще жив.

Нужно действовать по плану. Я нашел в кустарнике свой рюкзак, достал оттуда маленькую лопатку, выкопал небольшую яму и рюкзак аккуратно поставил туда. Затем завалил яму руками и как следует замаскировал свой тайник. Мягкий песок поддавался легко, но последние силы все же оставили меня. Один балахон из более плотной материи я использовал как подстилку, а вторым укрылся.

Теперь спать. Про завтра будем думать завтра.

2

Нашим проектом занимался «Режимно-секретный отдел» –подразделение Научно-исследовательского управления ФСБ. Они ювелирно смоделировали максимально приближенную к тем реалиям обстановку, чтобы мы могли адаптироваться перед выполнением задания. Для этого был создан арт-проект «Израиль. Зарождение новой эры». По-моему, гениальное название. Оно позволило максимально толерантно объединить усилия независимых ученых – как приверженцев христианской доктрины, так и ее противников, сторонников Торы. Естественно, христиан всех конфессий планировали привлекать более активно – ведь наша, или новая, эра ведется от рождества, сами знаете кого.

В СМИ трубили о грандиозной масштабной реконструкции, посвященной юбилейным торжествам в Иерусалиме. Конечно же, израильская сторона была в курсе, и выглядело все как государственная инициатива с официальным разрешением на проведение масштабного мероприятия в исторической части города. Естественно, ничего проводить не собирались – только на этих условиях официальный Израиль включился в игру. Наши специалисты прописали сразу несколько сценариев отступления: как, не «теряя лица», «под давлением общественности», отказаться от заявленного проекта. Там было все: агрессивные ортодоксы, откры-

тые письма недовольных историков в международные СМИ, осторожная риторика по поводу невозможности обеспечения полной безопасности мероприятия и под конец – официальные выступления ЮНЕСКО и Международного Географического общества против подобной акции. Под занавес объявилась благотворительная организация, которая предложила собрать средства на воссоздание старого Иерусалима на другой, пустой территории и провести празднования там, чтобы впоследствии превратить макет в город-музей или парк развлечений.

Пусковой механизм сработал: официальное государственное мероприятие с солидным бюджетом оказалось идеальным прикрытием. Сначала завязалась нешуточная околонучная дискуссия, которая разрасталась как снежный ком за счет дилетантов и «сочувствующих», а позднее профессионалов из разных областей, не желающих мириться с массовым невежеством. В процесс вязались масс-медиа по всему миру. Чем ближе становился официальный старт мероприятия, тем шире делалась дискуссия. Официальные гости токшоу рассуждали о том, какие языки главенствовали в то время и можно ли их воссоздать; какие деньги ходили, как они чеканились; спорили о костюмах, кухне, увлечениях, книгах и даже сексуальных предпочтениях того времени. Последнее, конечно, находилось вне поля наших интересов, но медийный ком было уже не остановить. Аналитический отдел выжимал из этого максимум полезной информации для на-

шей подготовки.

Я не думаю, что светлые умы «органов» провернули все это только для того, чтобы выудить как можно больше правдивой информации из исследователей всех мастей. Да, это было основополагающей целью. Но не только это. При успешном исходе операции «Телепортавт» общество уже было бы готово к маленькому чуду. Возможно, нас могли представить, как супердостижение отечественной науки и техники. Как новую ядерную бомбу или как самый модный гаджет, подобных которым в мире еще нет. Или как новое средство превосходства в самой важной для человечества области: управлении Временем.

3

Нас готовили как настоящих разведчиков.

На следующий день после того, как мы узнали об истинной цели эксперимента, началась изнурительная ежедневная подготовка. Системные занятия, собственно, и помогли нам осмыслить всю реальность этого проекта. Точнее, у нас практически не оставалось свободного времени, чтобы сомневаться.

Жесткий, типично армейский распорядок дня начинался с трехкилометровой пробежки. Затем первый урок, который мы посещали все вместе, – греческий язык: ускоренный курс по секретной методике. Вообще-то языком межнационального общения того времени ученые считали латинский, язык Великой римской Империи. Он был аналогом современного английского, ибо весь цивилизованный мир находился тогда под римлянами. Но в Восточном Средиземноморье большинству ближе был все же греческий язык – наследие тех времен, когда греки владели этими землями. Греческий там знали и понимали, как русский на территории бывшего Советского Союза.

Затем полтора часа в тренажерном зале и бассейн. Потом мы разделялись.

Для каждого было заготовлено несколько отправных легенд. У Андрея это были паломник из Хоразина, дальне-

го от Иерусалима городка в Галилее; наемный работник из Махерона, что по другую сторону Мертвого моря; молодой священник из Перея – для этой, последней, версии ввели дополнительные занятия с раввином. В качестве родины того или иного персонажа специально выбирали отдаленные уголки Палестины, чтобы минимизировать возможные встречи с земляками, но так, чтобы это были места по соседству с Иудеей.

Андрей был потомственным евреем и знал иврит: ставили на это. Ему преподавали арамейский, который вместе с ивритом является частью древнееврейского языка – языка талмудов и ветхозаветных текстов, ритуалов и науки. От его арамейского многое зависело.

Как потом выяснилось, Моссад с самого начала пытался навязать в проект своего человека. После мягкого отказа, не имея никаких рычагов давления и желая, по всей видимости, сохранить лицо, спецслужба согласилась с тем, что одним из участников эксперимента станет еврей, даже выбранный не ими. Кандидатура Андрея устроила всех.

Со мной было сложнее. Во-первых, ничего восточного в моей физиономии не было. Еврейского я не знал. Беглец из Малой Азии, желающий наняться в Римскую армию, – только это выглядело более или менее правдоподобно. Со мной еще отдельно занимались латынью.

Мы оба легко превращались в немых калек или, памятуя о прокаженных, обрабатывали перевоплощение с черными

балахонами. Это помогло бы на первых этапах, когда можно было обойтись без языкового контакта. Кроме прочего, с нами занимались рукопашным боем и приучали к перегрузкам. Центрифуга, подобная той, что используется для подготовки космонавтов, температурные нагрузки. Каждый вечер получасовое общение с психологом.

Только небольшая группа людей знала о реальной цели нашей подготовки. Все: педагоги, консультанты, тренеры – полагали, что эта, засекреченная, часть арт-проекта «Израиль. Зарождение новой эры» скорее всего, связана с безопасностью. Да и не о чем было волноваться. Даже я, оставаясь наедине с собой, сомневался в реальности проекта.

Я помнил самый первый день, когда нас привезли в тренировочный центр. Нас было шестеро. Меня, Андрея, и еще четырех незнакомых молодых людей завели в огромную лабораторию-ангар, в центре которой находилась непонятная техническая конструкция. Вокруг нее, словно белые мотыльки, порхали люди в белых халатах – скорее всего, техническая группа. Нас встретил статный мужчина, одного взгляда на которого было достаточно, чтобы понять, кто здесь босс. Мы уже однажды встречались с этим человеком. С его появления все и началось.

4

Мы тогда посещали дополнительные занятия по молекулярной физике и термодинамике. В конце очередного занятия появился незнакомец, и наш профессор дал ему слово. Это и был тот самый холеный оратор. Он соловьем заливался о новых перспективах и возможностях экспериментальной группы, которую он набирает. Сулил постоянную, очень высоко оплачиваемую работу для настоящих ученых, вещал о труде на благо отечества. Я таких не очень люблю. Больно у них все ладно и гладко.

В общем, интересующимся нужно было заполнить и сдать анкету.

Андрей сразу загорелся. Ну и я следом за ним тоже заполнил бланк. Спустя пару недель нас официально отпустили с лекций – для прохождения собеседования. Ничего особенного: тесты, логические задачи, медосмотр. Необычным был только тест на психологическую совместимость с напарником. Сколько лет знакомы? Что он любит, чего не любит. Его сильные стороны... Тут-то и выяснилось, что все соискатели пришли парами.

– А это часом не для гей-клуба информация? – вполголоса сдохмил Андрей, вызвав громкое гоготание в аудитории, но, увидев каменное лицо куратора, все-таки заполнил формуляр. И все.

Спустя почти месяц, когда мы практически забыли о странных испытаниях, нас вызвали в деканат. Коренастый мужчина в штатском, чья выправка однозначно выдавала принадлежность к армейским структурам, ошпарил нас взглядом и дивным баритоном сообщил, что мы прошли первый этап отбора. Из его слов выходило, что мы избраны для великой миссии, что должны этим гордиться, и все в таком духе. Стало понятно: оборонка. Желания работать в этой конторе у меня лично не было никогда. И какая там может быть наука – тоже вызывало сомнение. Новые разработки оружия? Мы с Андреем переглянулись и, не сговариваясь, стали отказываться. Армейский истукан словно был готов к такому сценарию. Он достал контракт и отчеканил:

– Две недели работы в проекте, и вам зачитывается военная кафедра с лейтенантскими погонами. Полный соцпакет, а главное – посмотрите: вторым пунктом значится размер гонорара.

О такой сумме мы не могли и мечтать. Видимо, на наших лицах отразилось столь явное сомнение в честности происходящего, что в разговор вмешался декан, молча сидевший все это время за своим столом:

– Поверьте, ребята. Это ваш шанс. И, возможно, другого такого на вашу долю не выпадет.

– Может, в космонавты готовят? – спросил меня шепотом Андрей.

Шутки шутками, а мысль о космосе еще не раз приходила

нам в голову. Уж больно тщательно проводили дальнейшее медицинское обследование. Я был уверен, что меня с моим не самым идеальным здоровьем отправят домой. Так бы, наверное, и произошло, но проекту нужны были пары – совместимые по многим показателям группы по два человека. И я понял, что я до сих пор здесь благодаря Андрею. Мы с ним – одна группа, и мы соревнуемся с другими.

Больше всего угнетала неизвестность. Хотя мы поставили подписи в документе «о неразглашении», до сих пор никакого намека на дальнейшую деятельность не возникло. Кроме фраз о «великой чести быть избранным для этой уникальной миссии» мы по-прежнему ничего не слышали.

К вечеру третьего дня мы оказались в ангаре – лаборатории тренировочного центра, где нас и встречал все тот же статный мужчина. Его звали Аркадий Владимирович Колосов.

«Товарищ, знай, пройдет она,
Пора свободы, счастья, гласности,
Но комитет госбезопасности

Припомнит ваши имена», – любил повторять он, и сам же посмеивался над своими словами. Но в тот день он был серьезен и предельно собран.

– Вас осталось шестеро. Вы должны привыкнуть к пониманию, к осмыслению всего того, что произойдет с вами в ближайшее время. Вы – лучшие из лучших, и это не просто красивые слова. Величайшие умы, когда-либо рожденные на

Земле, позавидовали бы вам. Когда-нибудь о вас напишут книги, снимут кинофильмы, назовут вашими именами улицы, города, а может быть, и планеты. Вы самые подходящие кандидаты для важнейшей миссии человечества. Вы должны идти с открытыми сердцами, с чистыми помыслами на эту миссию. И пусть мои слова звучат как проповедь. Нет – как молитва. Молитва, обращенная к вам, наши новые боги.

В умении эпатировать Аркадию Владимировичу отказать было нельзя. Умел он взбудоражить сознание. Он так чеканил слова – наверное, после какого-нибудь нового гэбэшного тренинга по воздействию на слушателей, – что нельзя было не поверить, не поддаться магии его голоса. Он театрально выдержал паузу, обводя нас взглядом и проверяя, добился ли должного эффекта.

– Ну а теперь серьезно.

И поведал следующую историю.

Несколько лет тому назад, Семен Давыдович Ланской, выдающийся советский ученый, создал интересный аппарат. Аппарат, по теоретическим подсчетам, должен был перемещать предметы. Только по теоретическим: чтобы перейти от теории к практике, нужны были экспериментальные образцы, время, человеческие ресурсы – словом, колоссальные средства. Семен Давыдович предполагал, что сможет переместить предмет, а в будущем даже и человека, в другое временное пространство. Долгое время подготовительная работа оставалась его маленьким хобби. Он поделился своими

мыслями с группой коллег. Кто-то из них, конечно из «бла-гих соображений», сообщил «куда следует», в надежде, что самонадеянного Ланского поставят на место. Из кабинетов КГБ информация перекочевала выше. К счастью, она попа-ла на стол одного очень влиятельного деятеля в партийном руководстве. Он был далек от науки, но идея создания пер-вой в мире советской машины времени перевесила все ло-гические доводы оппонентов. Помните, какое было время? Все повально увлекались научной фантастикой. Многим ка-залось, что еще чуть-чуть – и смоемся грань между вымыс-лом и реальностью. Влиятельный деятель слегка поднажал, надавил на святое: «Товарищи, вы что, сомневаетесь в со-ветской науке? А если завтра капиталисты создадут что-то подобное – что тогда? Вы готовы ответить перед партией и правительством?»

После этого на заседании Всесоюзного комитета по нау-ке решение о поддержке проекта было принято единоглас-но. Вместо того чтобы урезонить выскочку, Ланскому предо-ставили лабораторию и штат сотрудников. Вбухали немалые средства в создание опытного образца. Около года прошло с момента старта проекта, а Ланской просил еще время. Меж-ду тем, страна жила пятилетками, рапортами о перевыпол-нении планов и т.д. Его торопили. Ждали результатов. Пер-вые запуски с переменным успехом перемещали небольшие неодушевленные предметы. При неудачных опытах предме-ты деформировало или даже расщепляло, а при более позд-

них, которые Ланской считал удачными, предмет просто исчезал.

Было решено провести первый опыт с живым организмом. Для экспериментального запуска по многим параметрам подходил кролик. И в какой-то степени выбор животного сыграл злую шутку с будущим проекта.

Посмотреть на перемещение живого организма приехала большая комиссия из Москвы во главе с тем самым партийным чиновником. После выработки полного рабочего цикла испытуемый, то есть кролик, просто исчез. Семен Давыдович торжественно заявил, что это уже огромный результат. Нет сомнений, что под воздействием его прибора предмет перемещается в другую реальность – в другой временной отрезок, возможно. Но главный партийный чин не разделил радости ученого.

–Что?! И это все? Это что, цирк? Да я лучше бы Игоря Кио позвал! У него и по пять кроликов одновременно исчезает, а потом из рукавов выскакивает.

Семен Давыдович попытался объяснить, что только в кино можно перемещаться куда угодно, а еще задать точное время и место прибытия простым нажатием кнопки. Мы же занимаемся не фантастикой. Это наука. Тут можно двигаться только путем проб и ошибок. Его машина способна переместить предмет в другую реальность, но понять, а особенно указать и проконтролировать, в какой именно временной отрезок, – практически невозможно. Слишком много

сопутствующих факторов. Это все равно, что пальцем в небо ткнуть.

– Ну и когда же, по-вашему, можно ждать результатов? Через год, через два? А может быть, вообще никогда?

– Да. Может быть, через год, может, через два. А может быть, вообще никогда. Этого еще никто в мире не делал. И сказать определенно ничего нельзя.

... Проект закрыли, Ланского уволили. Начальник в бешенстве материл ученого, обещал, что тот никуда не устроится, кроме как полы мыть, припоминал ему бедного кролика. Но в скором времени началась перестройка. Страну лихорадило, до науки никому не было дела; дальнейшая судьба Семена Давыдовича осталась неизвестной.

Аркадий Владимирович проговорил последнюю фразу нараспев и поставил интонационную точку. Многозначительную паузу прервал один из стоящих с нами парней:

– Ну, это, наверное, не все?

– Как вы догадались? – съязвил он, и продолжил. – Никто бы о нем не вспомнил, если бы не одно открытие. Израильские археологи недавно вели раскопки в Рас-Эль-Амуде, небольшом городишке по соседству с Иерусалимом. Среди прочих находок была одна очень занятная вещица. Один удивительный текст. Он состоял из трех частей. Первая – на арамейском, вторая – на арабском, а третья часть, самая интересная, написана не справа налево, а наоборот. Интересно? Текст прошел такое количество экспертиз, что не оста-

вил никаких сомнений в своей подлинности. Этот древнейший документ датируется 3800-ми годами по иудейскому календарю.

Аркадий Владимирович сделал многозначительную паузу, видимо ожидая, что мы сразу заохаем: «Да не может быть!» Но мы продолжали просто тарашиться на него, не понимая, чего от нас ждут. А я вообще подумал: «Это что, из будущего, что ли?»

– О, Господи. Вы где учились? М-да... Разрушили самую лучшую советскую систему образования, а взамен что? Ох, детишки. Придется вам все разжевывать. У иудеев летоисчисление идет от сотворения мира. Наши предки, кстати, после установления христианства тоже считали так, хотя календарь вели византийский вплоть до Петра Первого. В общем, 3800-е – это первая половина первого столетия новой эры по современному григорианскому календарю. А от чего ведет отсчет наша эра – это вам хотя бы не надо объяснять?

– Вроде как от Рождества Христова? – то ли спросил, то ли ответил Андрей.

– Вот именно. Вы представляете, какая тут замешана история? И это, пожалуй, один из самых важных и интригующих моментов. Ну да ладно, вернемся пока к рассказу. Итак, спецслужбы перехватили документ и засекретили к нему доступ. Разгадать этот ребус в одиночку израильские спецслужбы не могли, и потому неохотно к делу допустили специалистов с российской стороны. Когда нашим специалистам по-

казали документ, то первой реакцией было – это что, приколы какой-то? Новое реалити-шоу: одна спецслужба накалывает другую? «Улыбнитесь, Вас снимает скрытая камера»?

Третья часть документа состояла из частично сохранившегося текста на русском языке.

Даже древнерусская письменность возникла только веков на десять позднее, не говоря уже о современной грамматике и буквах документа, которые использовались только начиная с 20-го века. После еще одной экспертизы последние сомнения в подлинности документа отпали. Это было послание. Как вы думаете, от кого? Правильно: от Семена Давыдовича Ланского. Да, Ланской, судя по всему, отправил нам весточку из первого века нашей эры. Очень занятный документ. Ознакомимся с ним позднее поподробнее. Ну а теперь главное то, что следует из послания. Туда, вслед за Ланским, переместились еще два человека. Но и это еще не все. Эти двое стоят сейчас передо мной. Это кто-то из вас.

Мы вышли на последний этап подготовки перед стартом. Аркадий Владимирович вызвал нас с Андреем к себе. Он трепетно поздоровался с нами за руку и предложил сесть. Сначала полюбопытствовал, как продвигается наша подготовка, всем ли мы довольны. Весь последний месяц нам запрещали говорить на русском. С Андреем мы разговаривали только на греческом, с педагогами добавлялись латынь и арамейский соответственно. Особенно интересно выходило на занятиях по единоборствам и уроках выживания в экстремальных условиях: тренеры общались с нами только через переводчиков, причем старались говорить тихо, чтобы русские слова до нас не долетали. Делалось это для того, чтобы максимально окунуть нас в новую языковую среду. А тут словно сладкое предложили во время диеты: приятный разговор с шефом на родном языке.

– Я позвал вас сегодня для того, чтобы сообщить очень важную новость. Вы будете не первыми, кто отправится в прошлое, но первыми, кто вернется. Вы избраны. Не мной. Не нашей командой. Я даже не знаю, как сказать без пафоса... избраны временем, наверное. Я постараюсь сегодня развеять те страхи, которые, конечно же, вас будоражат. Мы располагаем железобетонным доказательством того, что вы в ближайшем будущем, уже переместились в прошлое. Ведь

именно ваши имена стоят в двухвековом документе, теперь уже можно сказать, великого русского ученого Ланского. Семен Давыдович, совместил два слова – «телепортация» и «космонавт», придумав новый термин – «телепортавт». Так вот вы – телепортавты № 2 и № 3. Занятно, не правда ли? Я ознакомлю вас с его посланием. Вот это копия, но практически идентичная оригиналу.

С этими словами Аркадий Владимирович положил перед нами на стол документ:

– Полюбуйтесь. Свиток в Иерусалиме мог откопать кто угодно и когда угодно. Ланской постарался мастерски обезопасить документ. Первая страница на арамейском. Это просьба-предостережение. Нашедшего сей документ автор заклинает именем Иеговы вернуть его на место и не доставать, пока Израиль не объединится и не станет свободным государством. Иначе обрушится на него гнев божий. Очень умно, если знать, что у евреев мечта вернуть историческую родину заложена генетически, а удалось это только в 1948 году.

Похожая игра на чувствах верующих с использованием имени пророка Мухаммеда присутствует в арабском варианте. Очень уместно, если учесть, что мусульмане обосновались в городе с 7-го века н.э. Предостережение могло и сработать. Хотя я почти уверен, что наш доблестный ученый не полагался на случай, а закопал еще несколько резервных копий документа. Ну, готовы? Вот она – рукопись, перевернув-

шая наши жизни.

«Если вы, товарищи чекисты, читаете этот документ, то все происходит именно так, как и должно быть. Я советский ученый – Ланско...» – в этом месте текст не сохранился. – «Найдите моего помощника Евгения Михайловича Осипова. Он знает почти все про запуск. Если его уже нет, то вы отыщете мои дневники в государственной публичной научно-технической библиотеке, что на Кутузовском мосту, 12. Важно, что телепортавты № 2 и № 3 удачно прибыли. Вы их начнете искать сразу после того, как получите мое послание. Удивительно, не правда ли? В вашем времени они еще только учатся в Ленинградском политехе: Андрей... и Алекса...» Тут снова обрыв. «...ний Михайлович, и самое главное. Я не смогу создать телепорт здесь без вашей помощи. Мне необходимы материалы от пункта В2 до В6, и вся линейка пункта D. И, конечно, еще куча вещей. Попробуйте смоделировать мое изобретение вне лаборатории подручными средствами и тогда поймете, без каких составляющих в принципе не обойтись. Детали расфасуйте по спецодежде телепортавтов. При этом нужно использовать очень точные расчеты. Запомните: максимальный объем, с которым справляются лучи, – плюс 10 сантиметров от тела. Очень важно: чтобы минимизировать временной разрыв прилета № 2 и № 3, масса их тела со всем необходимым не должна превышать моей отправной. Уточните её в моем журнале. Попасть они должны примерно в то же место что и я. Пустынная песчаная коса, ника-

ких случайных свидетелей, и недалеко от Иерусалима. Это большая удача. Но во времени расчеты не скорректировать. Один точно высадится позднее другого. И разница эта может составлять от двух-трех месяцев до двух-трех лет. Поэтому по прибытии они должны отправиться в Иерусалим. Итак, телепортавты. Каждую субботу я буду ждать вас на службе в храме. Вы изучите мое фото, и сами пойдете на контакт. Позывной – «Телепорт», мой ответ – «Телепортавт». Не ошибётесь: храм здесь один. С первым прибывшим мы начнем собирать телепорт и будем ждать второго.

Искренне Ваш

Семен Давыдович Ланской».

– Ну как вам? Переварили? – Аркадий Владимирович явно получал удовольствие, видя наши растерянные лица.

– И вы основываетесь только на этом?! – совершенно неожиданно для себя я схватил со стола документ, и помаhal им в воздухе.

– Спокойно. Это хоть и копия, но и она слишком ценна, чтобы просто так ей размахивать. Вам и этого мало. Что ж. Мы, конечно, отыскали Осипова, упомянутого в письме, и остальную часть той команды. Скажу больше: Евгений Михайлович в здравии и еще вполне трудоспособен. Когда он ознакомился с посланием из прошлого, то просиял, и признался, что самолично запустил Ланского. Он терзался угрызениями совести весь последующий отрезок жизни, ведь был почти уверен, что поспособствовал гибели своего наставни-

ка. Он любезно согласился возглавить всю научную работу по восстановлению телепорта. Сам аппарат нашли в полуразобранном состоянии. Также отыскивали замечательно сохранившиеся дневники Ланского и журналы экспериментов, которые оченьгодились для дальнейшей работы. Полгода команда ученых работала в лаборатории. Два месяца ушло на то, чтобы собрать такой же аппарат в условиях, приближенных к первому веку нашей эры. Еще месяц на то, чтобы минимизировать объем самых необходимых деталей прибора. Евгений Михайлович рапортовал недавно: все готово, удалось расфасовать все необходимое в два комплекта пилотов. Расчеты перепроверяются, и, пожалуй, все готово к отправке. Это что касается надежности и работоспособности прибора. Теперь перейдем к пункту номер два: выбор телепортатов. Мы задали известные нам параметры. Итак, студенты Ленинградского политехнического. Мы полагаем, что Семен Давыдович по привычке написал «Ленинградский». Для него городом на Неве всегда останется Ленинград, ведь он телепортировался до переименования оногo в Санкт-Петербург. Мы вычислили всех Андреев и Александров. Дальше нам на помощь пришли дневники ученогo. Еще в далекие восьмидесятые, описывая оптимальную модель пребывания в ином времени, Ланской считал самой продуктивной работу двух телепортатов. И выбор напарников предлагал производить следующим образом: не просто отбирать двух самых лучших, наиболее подготовленных, а изначально

отдавать предпочтение единомышленникам, подружившимся задолго до эксперимента. Тесная психологическая связь позволяет более продуктивно работать, понимать друг друга, а в условиях другой цивилизации может стать дополнительным фактором, объединяя людей общими воспоминаниями. Такой вот он, Семен Давыдович. Да у них целому поколению подобные идиллические настроения свойственны. Стихи, бардовские песни всякие. «Шестидесятники», короче. «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

– Это не «шестидесятники», это Митяев, по-моему, – за чем-то встрял я.

– Да какая разница. Ну что, теперь наш выбор стал для вас более очевиден?

– А кто тогда те четверо, с которыми мы встретились в первый день в тренировочном центре? – спросил Андрей, перебивая шефа.

– Я думаю, вы догадываетесь, как их зовут.

– Еще два Андрея и два Александра?

– Какие молодцы. Смекалистые мне попались парни.

– Но почему тогда мы, а не они?

– Ну, это, по-моему, очевидно: эти вакансии – для самых лучших.

Я почему-то сразу представил, что Аркадий Владимирович говорит все то же самое, слово в слово, второй группе, а потом третьей. И еще не ясно, кто из нас дублер, а кто основной состав. И что окажется предпочтительней: покорять про-

странство и время, золотыми буквами вписывая свои имена в мировую историю, или остаться вторым, дублирующим, но все же живым составом.

6

Я брел по песчаной косе уже около получаса. Одиночество ничуть меня не тяготило. Наоборот. Честно говоря, я очень боялся первого контакта. Мысли, одна другой страшнее, словно теснились в очереди, и я их с трудом отгонял. То мне представлялось, что тут обитают одни вампиры или людоеды, а значит, мне не продержаться здесь и дня. Или еще хуже: что это совсем другая планета и на ней вообще нет людей. Холодок пробежал по спине. Я продолжал двигаться, внимательно изучая горизонт.

На пути попалась возвышенность, и с нее я увидел на берегу несколько рыбацких лодок. Около них виднелись люди. Вот он, час истины. Ноги слегка подкашивались, но я справился и уверенным шагом направился в сторону лодок.

Иногда ждешь какого-нибудь события с благоговейным трепетом. Готовишься к нему, представляешь, что оно станет чем-то особенным, изменит мир. А оно оказывается самым заурядным, рядовым моментом в жизни. Ничего особенного. Так бывает.

Что-то похожее было и с моим первым контактом. Никаких там: «О, пришелец из будущего, мы ждали, когда ты снизойдешь до нас! Теперь мы знаем, что не зря прожили жизнь, нам есть, что рассказать внукам, и не страшно умирать!».

Я поздоровался. Со мной поздоровались в ответ. Спра-

шиваю, как добраться до Иерусалима и далеко ли идти. Мне спокойно показывают направление; говорят, что к вечеру доберусь. Спрашивают, не куплю ли у них рыбу недорого, я вежливо отказываюсь, узнаю, какой сегодня день, прощаюсь и ухожу. словно вышел во двор и поговорил с мужиками из соседнего подъезда. Причем выяснилось, что мой греческий намного лучше, чем их.

Долина Кедрон отделяла меня от священного города. Могушественные стены Иерусалима издалика казались аккуратными белыми квадратами, которые могли бы уместиться на ладони. За час ходу квадратики разрослись в неимоверные, необъятные глыбы, закрывавшие собой весь горизонт. Чем ближе я подбирался к стенам, тем больше становилось народу вокруг.

Безусловно, радовало, что никто не обращал на меня никакого внимания. Я гармонично вписывался в общую массу, ничем особо не выделяясь.

Появиться в Иерусалиме желательно было именно в субботу, чтобы не болтаться в столице зря. Я без проблем провел один день в пригороде и сейчас через Золотые ворота вошел в город. Я отлично знал, куда нужно идти, но если бы даже это было не так – все равно можно было только плыть в потоке людей. Все они двигались прямо к храму.

Монументальное строение с золотой крышей, блиставшей на солнце, сильно меня впечатлило. Чем ближе я подбирался к зданию, чем сильнее захватывало дух. Огромная махи-

на вызывала трепет и даже страх. В мирском дворе, или дворе язычников, было особенно многолюдно. Сюда могли заходить и иудеи, и язычники. Я словно попал на рынок. Ряды жертвенных животных чередовались с рядами менял и продавцов всякого сопутствующего товара для жертвоприношения. Ланского и Андрея искать нужно было здесь. Я стал расхаживать взад и вперед, внимательно всматриваясь в окружающих. Задача была не из легких. Я чувствовал себя героем старого советского фильма, договорившимся о встрече «в шесть часов вечера после войны». Несколько раз мое сердце ёкало: навстречу двигались мужчины, похожие на Андрея, чуть реже – на профессора. Выручала спецподготовка: нас научили сканировать, и сразу выявлять соответствие или несоответствие лиц. Симметрия линий, расположение глаз, ушные раковины, тип овала, и многое, многое другое. Мне, как пограничнику, достаточно одного взгляда, чтобы сопоставить все данные и опознать нужный объект.

Я нарезал несколько кругов по вымощенному камню. Время уходило. Если я сегодня никого не встречу, придется ждать неделю. Паники, конечно, не было, но досада начинала разрастаться, рисуя унылые картины бестолкового ожидания следующей субботы. И тут в толпе проступило одно лицо. Я подошел поближе, чтобы удостовериться, затем закрыл глаза, восстанавливая в памяти малейшие детали фотопортрета, и прикинул снова. Соответствие – процентов восемьдесят. Я еще понаблюдал за объектом и подошел вплотную.

Нужно было проверять дальше.

–Телепорт, – сказал я вполголоса. Объект приподнял только взгляд – не голову. Пауза показалась мне такой долгой, что я уже готов был ретироваться.

–Телепортавт.

И добавил по-гречески:

– Идите за мной.

Дом моего провожатого находился в благополучном районе рядом с верхним городом. Отсюда открывался прекрасный вид на дворец Ирода Антипы, а с другой стороны выглядывала золотая крыша храма. Дом соседствовал с роскошными виллами. Элитный райончик, ничего не скажешь. Когда мы вошли за массивные ворота, то оказались в небольшом изысканном дворике с зеленым садом, греческими скульптурами и искусственным водоемом. Тут же умещались несколько построек в римском стиле. Во дворе нас встретили слуги. Стоило моему спутнику махнуть рукой, как те словно испарились, полностью исчезнув из вида.

– Как Вы находите мое скромное жилище?

Мы молчали всю дорогу, и я только сейчас смог, повернувшись на голос хозяина, без стеснения его рассмотреть. Человек, стоявший передо мной, сильно отличался от героя черно-белых изображений 80-х годов, которые я изучал в процессе подготовки: очки в тонкой квадратной оправе, никакой растительности на лице, на голове пушок. Теперешний же мой собеседник обладал великолепной ухоженной бородой, усами и бакенбардами. Отсутствие очков изменяло взгляд. С фотографий на меня смотрел задрипаннный инженеришка из провинциального НИИ, а здесь – холеный мужчина преклонного возраста. Если бы не спецподготовка, то

узнать этого человека представлялось маловероятным.

– Миленько тут у Вас... неплохо устроились, – мещанское замечание вырвалось само собой – не иначе как от чувства неловкости.

– Это все наше советское прошлое. Я всегда чувствовал, что уравниловка, призванная приучать нас к аскетизму, рождает стяжательство, скрытую страсть к вещам и стремление к роскоши. Грешен. Каюсь. Кстати, мы до сих пор не представились. Семен Давыдович Ланской, хотя Вы, конечно же, в курсе.

– Александр Земин, очень приятно.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Заждались, заждались мы Вас, любезнейший. Сначала к столу, или помыться с дороги желаете?

Меня совершенно обескуражил такой простой и очень русский прием.

– Дом у Вас просто замечательный, – вполне искренне заметил я, чем вызвал приступ гордости хозяина за свое детище. Я стал намеренно подливать масла в огонь:

– А это что? А это?... Не может быть! Да? Что Вы говорят!

Должен заметить, что вилла действительно была выше всяких похвал.

Позднее, уже за столом, я расспросил Ланского об Андрее.

– Думаю, завтра вы как раз сможете встретиться. Он с по-

следователями одного учения должен вернуться в Иерусалим. Андрей сейчас ведет кружок по интересам. Да нет, не принимайте же Вы все так буквально. Давай я не буду пересказывать то, что ты сможешь узнать завтра и сам. Расскажите лучше о себе.

Впоследствии я привык к манере Ланского начинать общение размеренно, корректно, только на «Вы», но с ускорением речи перескакивать на «ты», а замедляя повествование, снова возвращаться к «Вы».

Около получаса я отвечал на простые вопросы Давида Семеновича. Мне это напомнило встречу односельчан: покинувший родную деревню давно, встретил только что оттуда прибывшего, и не переставал спрашивать. Затем настал мой черед.

– Давид Семенович, меня не перестает мучить один вопрос. Как вам удалось так замечательно тут устроиться?

– Ну... Вообще-то я прибыл в Палестину... уже почитай, более восьми лет! Да, брат. Как время летит. С домом, с богатством моим все элементарно. Я ж не просто ученый. Я инженер-изобретатель. Как только появился в Иерусалиме, пораскинул мозгами и стал искать аудиенцию с великими мира сего. К кому же идти, как не к римскому префекту Иудеи – Понтию Пилату. Ни на какую личную встречу сразу рассчитывать не приходилось. Через подчиненных я передал префекту всего один чертеж. На следующий день меня пригласили к нему лично. Я принес с собой еще десяток таких бу-

мажек. Главное, что среди них было, – проект нового дворца с огромным количеством технических новшеств. Нужно понимать, что жестокий и алчный Пилат терпеть не может Иудею и хочет обратно в Рим. Я предложил ему нечто такое, чего нет даже в сердце великой Римской империи. И он купился: ощущение превосходства над самим Римом решило в конечном итоге все. Я получил работу, уважение и деньги. А с виллой мне помог Агриппа первый. Его, внука Ирода Великого, Калигула провозгласил царем Иудеи уже позднее. Агриппа сам отыскал меня через подданных и доверил реконструкцию дворца. По его же протекции меня провозгласили иудейским старейшиной. Как-то так все и вышло.

Я с восхищением смотрел на немолодого собеседника. Казалось, этому великому магу подвластно все.

8

На другой день я стоял недалеко от Золотых ворот и наслаждался теплой апрельской погодой. Профессор сказал, что Андрей вместе с другими последователями нового учения (нужно было еще узнать, какого: Ланской на эту тему особенно не разглагольствовал) войдут в город через те самые ворота.

Через час-полтора наметилось некое оживление. Большая группа людей двигалась издалека в сторону ворот. Ей навстречу набиралась другая – в основном зеваки вроде меня. Я пока не мог разглядеть своего друга. Процессия приближалась. Центром всей этой массы людей был один человек – наверное, лидер. К нему стекался весь людской поток. Я пригляделся. Сомнений не было. В центральной фигуре я признал своего друга. И люди к нему шли не просто так: Андрей двигался сквозь толпу желающих получить благословение, задать вопрос или просто коснуться его. Он напомнил мне мегазвезду, проходившую через толпу фанатов. Я втиснулся в живую стену, продвигаясь к нему поближе. Ученики Андрея действовали, как профессиональная команда телохранителей: не давали зажать своего учителя в кольцо и расчищали дорогу. Андрей останавливался выборочно перед некоторыми особо активными горожанами. Иногда кому-то что-то говорил или просто накладывал руки. Подтал-

квиваемый толпой, в один момент я оказался с ним совсем рядом. Наши глаза встретились.

– Саша, мне нужно многое тебе сказать.

– Ты что делаешь, Андрей?

– Ты о чем?

– Обо всем этом.

Этот диалог вели только глаза. Мы ни проронили не слова. Потом с его губ слетела всего одна негромкая фраза:

– Сегодня ночью я приду в дом Иосифа Аримафейского.

Андрей проследовал с эскортом дальше, но шагов через десять обернулся, наградив меня немного влажным взглядом и довольно усталой извиняющейся улыбкой. Я только сейчас понял: Иосиф Аримафейский – это Семен Давыдович.

Я практически вбежал в дом Иосифа Аримафейского. Забыв об осторожности, я чуть не начал говорить по-русски в присутствии слуги. Оценив ситуацию одним взглядом, Семен Давыдович взмахом руки избавился от лишних глаз. Слуга поклонился ему и стремительно покинул комнату.

– Успокойтесь, Александр. Успокойтесь. Согласен, это было жестоко, отправлять Вас навстречу с Иисусом, о Господи, Андреем, ничего не объясняя. Но поймите: я боялся, и, надо заметить, небезосновательно, что мои слова превратятся для Вас в пустой бред. И сколько бы времени я ни потратил, Вы все равно отнеслись бы к ним, мягко говоря, с недоверием. Давайте посмотрим на эту историю под другим

углом, и тогда, надеюсь, Вам станут более понятны поступки и, главное, устремления Андрея. Но сначала выпьем-ка вина. Ночь предстоит длинная.

Семен Давыдович подошел к столу, разлил вино из глиняного кувшина в две чаши. Одну протянул мне:

– Замечательное вино. Надо попросить Андрея еще нам такого из воды приготовить.

Видя мое изумление, Ланской прыснул, давясь смехом.

– Простите, не мог сдержаться. Больно уж вид у Вас, Александр, беспомощный. Надеюсь, это не перебор? Ну, простите, право. Это отличное вино из прошлогоднего урожая. Здесь вода, если успели заметить, не совсем чистая, с минеральными солями. Даже я до сих пор не могу привыкнуть. Поэтому предлагаю вина. В Союзе- то я вообще почти не пил, а тут пристрастился, знаете ли... Продолжим?

Когда несколько лет назад ко мне после субботней службы подошел незнакомец и произнес знакомое Вам слово, я чуть не упал в обморок. Он повторил его дважды, и откуда-то из глубин моего сознания, вырвалось аналогичное, но немного другое: «Телепорт» – «телепортавт». Я не знал, что это пароль. Я лишь помнил само слово. Помнил, потому что сам его придумал. Ведь еще нет никакого послания для потомков, прочитав которое ко мне отправят людей из будущего. Я его еще не написал. Пока не написал. Но непременно напишу. И вот какая картина получается. В будущем я придумал термин, который вы должны использовать как пароль

для общения со мной в прошлом, который я, услышав от вас в прошлом, напишу в послании для будущего. Вот где настоящий взрыв мозга. Я специально остановился на такой, казалось бы, мелочи, чтобы наглядно продемонстрировать Вам, Александр, что телепортатв сам являет собой точку преломления времени. И еще раз повторяюсь. Если рассматривать вещи под таким углом, то Вам, мне кажется, будут понятнее поступки Андрея.

Он с самого начала был одержим идеей разыскать Иисуса Христа или хоть какие-нибудь упоминания о нем. Согласно современным околосторическим документам, церковным каноническим или самому понятному и более объективному подсчету по григорианскому или юлианскому календарю, исчисляемым от «Рождества Христова», – евангельские события должны были произойти уже лет двадцать назад. Первые полгода Андрей изучал документы и много общался с фарисеями Иерусалима. Затем за полгода он обошел основные храмы Иудеи. Никаких результатов. Еще полгода он мучился сомнениями, сидя у меня в Иерусалиме, но так как от Вас, Александр, все еще не было никаких вестей, Андрей отправился в свой первый поход по местам пребывания Христа, описанным в Библии. Стал расспрашивать людей об Иисусе из Назарета, ну и невольно рассказывать о его деяниях и принципах христианства, все больше общаясь с ними. Как ты, наверное, уже успел заметить, народ здесь довольно темный. Никаких развлечений, кроме казней, базаров да суббот-

него служения. К Андрею примкнули последователи, готовые помочь ему отыскать нового мессию. Одержимость идеей плюс хорошее образование, ну и, безусловно, отточенная веками христианская доктрина в устах Андрея, родила нового харизматичного наставника. Он обошел Иудею, Самарию, Галилею, Идумею и пришел к ужасающему выводу. Никакого Иисуса Христа, а значит, и зародившегося христианства в Палестине не было, и нет. Помню, у нас состоялся один разговор...

«Возможно ли, что Иисус явит себя миру позже?»

Я сильно сомневался.

«Последний исторический шанс для его появления только сейчас. Посуди сам. Понтий Пилат уже не молод, первосвященник Кайафа совсем стар. Ирод умер очень давно. И с каждым годом вероятность исторической стыковки евангелий стремительно приближается к нулю. Ты же сам понимаешь, сколько пройдох и откровенных бандитов в Палестине называют себя мессиями. И ради чего? Бунта против римлян? А еще сюда приплюсовываются вечные «пролетарские ценности» – забрать все у богатых, и раздать бедным. Какая любовь к ближнему, какое самопожертвование? На их фоне фарисейские догмы выглядят куда предпочтительней».

Уж не знаю, может именно тогда Андрей и решился...

Я несколько раз просил его объяснить, что им двигало, когда он принял такое решение? Однажды, он мне доходчиво все объяснил. Хочешь знать?

Ланской смерил меня своим хитрым прищуром, переходя на «ты».

– Нет? Лучше спроси сам. А я без лишней демагогии просто пройдуь по фактам. Андрей собрал своих последователей, и объявил им, что ночью Бог явился к нему в видении и сообщил: «Не ищи больше Иисуса из Назарета, ибо Я нашел его. Отныне Я даю тебе это имя, и нарекаю тебя Иисусом Христом. Моим сыном». А дальше мы ждали Вашего, Александр, прибытия. Вернее, я ждал каждую субботу в храме, а Андрей стал по крупицам воссоздавать деяния Христа. Оказывается, вера одного сильного человека может если не все, то очень многое. Мы, конечно, все время держали связь. Почти три года скитаний по Палестине, и результат, я думаю, Вы видели сегодня в городе. Многие кричат: «Осанна», а мне вспоминается переписанная с кассетника у моего продвинутого лаборанта-меломана композиция Эндрю Ллойда Уэббера: «Jesus Christ Superstar».

И Семен Давыдович промурлыкал финальную мелодию рок-оперы.

9

Андрей пришел часа через два. Мы обнялись. Теперь я мог его как следует рассмотреть. Бороды и волосы мы отрастили еще в процессе подготовки, так что внешне он оставался прежним, но при этом сильно изменился. Просто для меня с момента телепортации прошло меньше недели, а для Андрея – около четырех лет. Выглядел он, пожалуй, еще старше. Заматерел. Появилась внутренняя уверенность и какая-то сила, свойственная влиятельным политическим деятелям. Но, в отличие от них, в Андрее не было никакого высокомерия.

– Жалко, что тебя так долго не было, – Андрей похлопал меня рукой по плечу.

– Ну а ты успел уже делов натворить...

– И не говори.

– Я до сих пор в себя не могу прийти.

– Да, Саш. И я тоже.

– Ну, объясняй. Рассказывай. А то у меня такое ощущение, что после телепортации у меня наметились серьезные проблемы с логическим мышлением.

– Тебе интересно, почему я так поступил?

– Очень.

– Тогда постарайся не перебивать. Мне, если честно, и так не просто. Приходится каждый раз убеждать еще и себя.

Помнишь арт-проект наших бравых ФСБ-шников – «Израиль. Зарождение новой эры»? С помощью него мы отработывали разные модели поведения, стратегии интеграции в палестинское общество. Так вот. Ученые мужи много дискутировали, вырисовывая исторически достоверную картину этого времени, но были солидарны в одном: немногие верили в божественное происхождение библейского Христа, но все до одного говорили о некоем Иисусе – реальном прототипе евангельского Мессии. Основываясь, кстати, на достоверных документах. Это были «Иудейские древности» Иосифа Флавия – неважно, греческая рукопись, или ранний перевод на сирийский язык; раннехристианские авторы – Ориген, Тертуллиан и Феофил Антиохийский...

Поверь: я прошел, исколесил вдоль и поперек, всю Палестину. Искал хоть какое-нибудь упоминание, или маленькую общину последователей. Ничего. Не было, и нет. А вот теперь главный вопрос. Что будет, если сейчас не найдется прототип Иисуса? Как зародится христианство, и зародится ли оно вообще? Куда денутся более ранние, начиная с первого века, свидетельства римских историков Корнелия Тацита или Лукиана о мучениях первых христиан, принявших смерть за веру? Конечно, можно надеяться, что веку эдак к третьему ученые мужи что-нибудь подобное да придумают. Но это может быть чем-то совсем другим. Что станет с нашим миром? Если не будет Христа, то не будет и фундаментальной мировой религии.

– Так может это и к лучшему? – не выдержал я. – Ты представляешь: свободные, не затуманенные никакими предрасудками светлые головы человечества. Никаких догм. Вера в людей. В Прогресс. Это же новый виток развития!

– Ну, это только на первый взгляд так кажется. Полагаешь, я об этом не думал? Посмотри на людей вокруг. Они бедные, больные, несчастные и недалекие. Человеческая жизнь здесь ничего не стоит. Прогресс и свобода – это удел умных, цельных, здоровых, богатых, в конце концов. А как же остальные? Им остается только злиться, роптать, но терпеть унижения, не понимая, почему жизнь к ним так несправедлива. Вера позволяет каждому надеяться, что их страдания не напрасны. Я могу еще много говорить про любовь, про очищение души, про надежду, пускай призрачную, на лучшую жизнь... Вместо того, чтобы ненавидеть, лучше знать: Бог воздаст обидчикам по заслугам, и, возможно, простить их самим. Верить в справедливость, пусть не на земле, а на небе.

– Андрей, я знаком с библейскими доктринами. Но это все лирика.

– Да нет же. Как тебе объяснить-то? Попробую зайти с другой стороны. Допустим, ребенку нужно растолковать, что такое хорошо, а что такое плохо. Как у Маяковского, помнишь? Что делать? С детства заложить правильную формулировку добра и зла, чтобы отпечаталось на всю оставшуюся. Когда ребенок вырастает, понятия «хорошо» и «плохо»

воспринимаются им часто иначе. То же самое и с религией. Настанет время, когда человечество, возможно, перерастёт церковные догмы, как дети вырастают из маленькой одежды. Но, как хорошее воспитание, в нем навсегда отпечатаются христианские ценности. Не имея возможности вовремя принять понятия «хорошо» и «плохо», человек может остаться животным.

– Победительней, конечно, но больно уж как-то далеко от нас, – не унимался я.

– Хорошо. Если не будет Христа, то не будет не только фундаментальной мировой религии – не будет привычного геополитического уклада и мировой государственности, не будет самого большого пласта мирового культурного наследия. А теперь главное: не будет того будущего, из которого прибыли мы.

Ты разве до сих пор не понял? Будущее изменится. Может не быть той страны, из которой мы переместились: вспомни про православные корни нашей государственности, про «третий Рим». Знакомых и близких людей тоже может не быть. Телепорта, да и нас самих там может не быть... Теперь ты понимаешь? Единственный путь к возвращению и шанс оставить все как есть – это воссоздание Христа и его учения здесь и сейчас.

– Безумие какое-то! – воскликнул я. – Ну, хорошо. Объявил ты себя мессией, собрал учеников. А дальше что? Скажешь своим ученикам: «Поверили в меня? Отлично. А те-

перь извините, мне пора возноситься на небеса», – а сам телепортируешься обратно, домой? Такой вот хеппи-энд? Так они после этого христианами не станут. Ты помнишь, что из Иисуса из Назарета сделало Иисуса, сына Божьего? Распятие на кресте, дорогой, и воскрешение на третий день. Воскрешение – это, конечно, трудно, но еще куда ни шло. Можно там гранитный камень с могилы сдвинуть, разстрезвонить – видели, мол, как живого. Воспользоваться основным христианским постулатом: «Вопрос веры не требует доказательств: или веришь, или нет». Не станут же люди требовать видеотчет с места происшествия.

А вот с распятием как быть? Ведь это основной момент, как для христиан, так и для материалистов, утверждавших, что человек, являвшийся прототипом Христа, действительно был распят на кресте.

– Вот теперь я узнаю моего друга Саню, – улыбнулся Андрей. – Ты с ходу озвучил две основные и самые масштабные задачи, которые меня тревожили. Теперь ты прибыл, и можно приступать к их решению. Правда, немного ювелирней, чем ты сейчас представил.

Я проснулся к обеду. Халим – слуга Ланского, не особо церемонясь, растолкал меня. Он меня явно недолюбливал: мы были практически ровесниками. Халиму не нравилось, что хозяин оказывает честь молодому, пришлому, безродному проходимцу, но из уважения к своему господину все же делал вид, что старается мне угодить.

Вина я выпил вчера прилично. Мы еще около часа просто болтали с Андреем, и он наконец-то стал напоминать мне моего закадычного друга. Он не остался у Семена Давыдовича на ночёвку, а отправился к ученикам. Я почувствовал укол ревности. Было немного обидно, что Андрей предпочел учеников мне, и я налег на спиртное.

Халим принес мне завтрак на большом серебряном подносе. На мой вопрос о хозяйине дома, уважаемом Иосифе Аримафейском, слуга с укоризной заметил:

– Уже часа четыре как работает у себя, в отличие от некоторых.

Сказал и осекся. Виновато посмотрел на меня, не веря, что действительно произнес это вслух. Поклонившись в пояс, Халим начал было извиняться, но я остановил поток его трусливых излияний. Меня такое замечание нисколько не задевало. Я выбросил пальцы вперед, слуга правильно воспринял мой жест и исчез с глаз долой.

После того как я перенес все мое снаряжение, спрятанное в пустыне, Ланской стал проводить большую часть суток в лаборатории, в огромном подземном помещении, находившемся в подвале своего дома. Семен Давыдович продолжил собирать портативный экземпляр телепорта. С точными расчетами, пошагово изложенными в детальной инструкции Евгения Михайловича, складывалось ощущение, что собрать прибор так же просто, как конструктор «Лего».

В отличие от моих сотоварищей-телепортавтов, которые через собственные страхи, кровь, пот и прожитые тут годы впитали в себя это время, я чувствовал себя здесь гостем – туристом, получившим бесплатную путевку в экзотическую восточную страну. Отель, еда и сервис оказались так себе, но ведь ни за что не надо платить! Халявный all inclusive, небольшие экскурсии по историческому городу и отсутствие обратного рейса на этой неделе заставляли меня побыть здесь еще немного – не пропадать же добру. Я валялся на кровати, периодически спускаясь в подвал поболтать с профессором, и неохотно делал редкие вылазки в город.

Андрей заходил еще дважды – узнать, как близок Ланской к завершению сборки прототипа. И вот на пятый день, как и запланировали, Андрей снова выбрался к нам. Мы с профессором уже ждали его, потирая руки. Все было готово, телепорт собран; маршрут для решения задачи номер один намечен. Опираясь на опыт трех перемещений, Семен Давыдович рассчитал и обосновал, почему мы прибыли в разное время

в прошлое. Кроме расчетов веса перемещаемого, уравнивания тяжести его спецодежды при радиусе воздействия лучей плюс 10 сантиметров, он использовал новые расчеты, учитывающие изменения в гравитационном поле, что, по его словам, позволяло максимально точно, практически до дня, выверить время прибытия.

План был таков. Мы отравляем Андрея в ближайшее будущее. Он должен попасть на пять-семь дней вперед, в день, который станет третьим днем после смерти Иисуса Христа. Андрей явится своим скорбящим, потерявшим веру ученикам. Он предстанет перед ними просветленный, умиротворенный, целый и невредимый. Утешит, направит и вдохновит их словом. Это станет великим актом явления воскресшего Сына Божия. Затем скрытно и очень осторожно он доберется до дома Семена Давыдовича, который отправит Андрея обратно, зеркально в тот же день и час, когда он перемещался для «воскрешения». Эта часть плана мне нравилась. Если телепорт не подведет, то все остальное выглядело очень даже выполнимым. Но решение задачи номер два пока меня сильно настораживало. Андрея-Христа должны были распять. Это было непременным условием, без которого все остальные усилия изначально не имели смысла. Честно говоря, я и это перемещение считал лишним. Если мы грамотно инсценируем распятие Андрея, то он без всяких перемещений спокойно объявится перед учениками на третий день. На это я получил возражение Андрея.

– Старик, ты Библию-то читал? Ну или хотя бы фильм Гибсона «Страсти Христовы» смотрел? Меня избьют, наденут терновый венок, побьют камнями. Придется от самых ворот нести крест. Пока неясно, как мы решим вопрос с прибавлением к кресту. И висеть придется очень долго. И как ты полагаешь – после этого я смогу оправиться за три дня? Представляешь – хромая, весь перевязанный, с кровоточащими ранами, с синяками на лице предстану перед учениками, и скажу: « Я воскрес». Думаешь, после этого кто-нибудь поверит в царство небесное?

– Согласен. С телепортацией воскрешение поубедительней будет. Только после того, как ты эти ужасы перечислил, мне совсем боязно стало. Страшно за тебя.

– Нужно не бояться, а просто тщательно готовиться. Мне, думаешь, не страшно? Но мы люди из будущего – неужели не сможем подготовиться, просчитать и повернуть все это, черт побери?!

– А Спаситель-то наш ругается! – заметил улыбающийся Семен Давыдович, разряжая обстановку.

И мы начали серьезную подготовку. Конечно, основную ставку делали на щедрый подкуп римских воинов, несших вахту в день распятия. Ланской провел серьезную подготовительную работу. Он завел дружбу с одним опционом – помощником влиятельного центуриона и прикормил двух тессерариев – старших по караульной службе. Во все времена среди военных находились люди жадные и алчные. С помо-

щью младших офицеров и планировалось, не нанося серьезных ран, имитировать смерть Андрея на кресте и быстренько его вызволить. Да, ему придется какое-то время провисеть на кресте. Потом его театрально проткнут и снимут, констатируют смерть. Естественно, римские воины никого к Андрею подпускать не будут. В конце концов, приходилось выбирать: полное воссоздание библейского текста или «облегченную версию», но все же с живым Андреем.

Я второй раз присутствовал при запуске человека. Аппарат Ланского был не столь внушительным, как его старший брат-близнец, находившийся в засекреченном ангаре ФСБ. Профессор заметно нервничал. Теория – теорией, но, по сути, это был опыт телепортации человека прибором, собранным «кустарным способом», сразу, без испытаний. Андрей же оставался невозмутимым и сам, как мог, подбадривал изобретателя.

– Занятная должна получиться поездка. Ну, что, с Богом.

Семен Давыдович в упор посмотрел на улыбающегося Андрея.

– Да, с тобой, стало быть. Эх. Прожил, понимаешь ли, человек несколько лет вдали от Родины, и совсем забыл традиции. Куда же делось простое русское «Поехали»?

– Поехали! – выкрикнул телепортавт, а Ланской отжал небольшую рукоятку. В подвальном помещении, освещенном десятком свечей, вспыхнула какая-то неестественно перламутровая молния, прошла через тело Андрея, и он исчез в ту же секунду. А дальше нам оставалось просто ждать. Если все расчеты профессора оказались верны, то Андрей уже отправлен обратно. Его должно, как и в первый раз, выбросить в пустыню, и к утру он доберется до нас. Я порывался пойти ему навстречу. Семен Давыдович меня отгова-

ривал. Я и сам, в общем-то, понимал, что идея бредовая. Во-первых, это ровным счетом ничего не давало, а во-вторых, можно было просто с ним разойтись в темноте.

Ни о каком сне не было и речи. В ожидании Андрея мы откупорили еще один кувшинчик вина. Мне до сих пор не верилось, что профессор смог один собрать опытный образец. Было лестно просто сидеть и пить с, пожалуй, величайшим ученым всех времен и народов. Я высказал свою мысль вслух. Ланской заскромничал:

– Что Вы, Саша. Какое там. Мне все больше кажется, что это очень страшное изобретение. Может, даже не страшное, а неправильное. Нельзя обманывать Время и Бога. Как бы все это не вышло боком, и не только для нас, непосредственных участников, так сказать.

– Ну, не знаю. Вы снова про фатум, а я никак не могу понять другого. Вы ведь выдающийся, величайший ум современности. Гений! Как они могли Вас не ценить? Где же лавры, где признание? Та Россия, откуда прибыл я, не сильно отличается от Советского Союза – откуда Вы, профессор. К сожалению, это одна большая страна «голых королей». Но наши короли очень далеки от персонажа Ганса Христиана Андерсена. Простак, поверивший, что его нарядили в щегольское одеяние, – скорее, жертва в истории датского сказочника. А наши – наши сами заставляют всех вокруг верить, что облачены в удивительные одежды исключительности, гениальности и таланта. Некоторые люди видят непри-

крытые болтающиеся гениталии «королей», но, озираясь по сторонам, боятся себе в этом признаться. Другие просто ведутся на уже сформированное мнение окружающих. Третьи, рассчитывая пристроиться и получить выгоду, стараются угодить и раболепно восхищаются невидимым одеянием достижений и заслуг, так тонко, по фигуре, прикрывающим «срамоту». И воодушевленные «народной любовью» короли продолжают строить удивительные воздушные замки. Таких сейчас полно во всех областях: наука, культура; я уже не говорю о властных структурах. Но самое страшное, что «голые короли» попросту топят действительно достойных и гениальных, таких как Вы. И не только из зависти, или конкуренции. «Короли» видят в вас еще большую угрозу – угрозу разоблачения. Ведь рядом с Вами, с настоящими творцами, могут прозреть даже дети, заметив: «А король то, голый!»

– Александр, не стоит сгущать краски, даже так образно. Вспомните Салтыкова-Щедрина. Ровно то же самое происходило еще в девятнадцатом веке. Такова уж наша русская ментальность. Наше наследие, или самобытность, если хотите. Но живем же. Не все так печально. Основная масса будет и дальше молчать, но есть же соратники и друзья.

«И где же они были, когда один мудак закрыл проект, перечеркнув труд всей Вашей жизни?» – хотел ответить я, но сдержался и не стал портить настроение старику в час его триумфа. А только добавил:

– Давайте выпьем за друзей, таких как Вы и Андрей. За

нас. Великих и ужасных телепортавтов.

...Андрей появился в дверном проеме. Он осушил протянутую глиняную чашку с водой. Остатки вылил на голову. От радости я схватил его в охапку и приподнял. Профессор тоже подбежал к нам и обнял обоих, похлопывая Андрея по плечу.

– Никогда, никогда больше добровольно на это не подпишусь! – Андрей выглядел усталым. Я вспомнил себя после первого перемещения. Действительно – добровольно еще раз пережить такое... Тело после перемещения еще долго казалось чужим, собранным по кусочкам. И боли – они стихли только через сутки.

– Как все прошло?

– Мы все молодцы. Теперь я спокоен за будущее. Ученики были безумно рады увидеть меня живым и здоровым. Это дорогого стоит... Мне даже не пришлось ничего выдумывать. Я лишь сказал им, что пришел, чтобы поддержать их в трудный час, укрепить их веру. Дальше они и сами смогут противостоять злу, побеждать его любовью, и даже в самый трудный час я всегда буду рядом. Останусь в их сердцах. И все это правда. Я нисколько им не врал.

Пока Андрей все это говорил, мы с профессором аккуратно уложили его на кушетку и стянули верхнюю одежду.

– Тебе нужно поспать, Андрей. Набраться сил. Только один вопрос: сколько у нас дней, до операции «Распятие»?

– Четыре дня. Через четыре дня нужно меня распять, по-

тому, что через семь дней, я уже воскрес.

– Все. Спи. У нас еще вагон времени. Подождет. Остальное подождет.

Мы готовились к самой важной реконструкции в истории человечества. Нужно было рассчитать, как воспроизвести эпохальные моменты нового завета. Последний день в Гефсимании и Тайная Вечеря не требовали усилий извне, Андрей мог прекрасно справиться сам. А вот арест, суд совета первосвященников, Голгофа, распятие и погребение – тут без посторонней помощи было не обойтись. Кто-то должен подтолкнуть, завести механизм, соединяющий воедино сложную цепочку событий, и контролировать все со стороны.

Роли двух великих кукловодов были уже определены. Андрей – Христос, а Ланской – Иосиф Аримафейский. На нашей шахматной доске вакантным оставалось место хоть и мелкой, но очень важной фигуры, без которой ничего не выстраивалось. Фигуры, разыгрывающей партию, знаковой фигуры – Иуды Искарота. Конечно, можно было найти «доброжелателей» в стане Андрея, готовых настучать на учителя, но на это требовалось время, а события могли выйти из-под контроля. Деваться некуда: пришлось мне становиться этим жалким уродом. Семен Давыдович подключил кое-какие связи, и я получил аудиенцию у очень важного человека, которого звали Ханнана. Один из старейших и уважаемых первосвященников, почтенный и, пожалуй, самый влиятель-

ный старец Иерусалима официально отошел от дел, но фактически удерживал всю власть, пользуясь поддержкой своего зятя – первосвященника Каиафы: продолжал распределять должности и распоряжаться казной храма. Ханнана принимал у себя дома. Даже по протекции мне пришлось ждать встречи несколько часов. Я успел выспаться сидя в приемной комнате, пока слуга не растолкал меня: «Вас ожидают».

– За тебя просил один уважаемый человек. Я слушаю.

– Я пришел сказать об опасном мятежнике и смутьяне. Он собрал вокруг себя много последователей, готовых идти за ним и объединиться по первому его требованию в армию. Он не признает власти римлян, глумится над законом Божьим. Провозглашает себя Мессией, помазанником Божьим и изгавителем Израиля!

Ханнана нахмурил брови: сказанное его впечатлило, но не сильно. Видимо, слишком много доносов ему приходилось выслушивать. Я продолжил.

– Но это еще не все. Его называют учителем все, даже служители храма. Некоторые фарисеи уже открыто поддерживают его. Он молодой и амбициозный. И кто знает, что будет дальше. И Вы знакомы с этим человеком. Это Иисус из Назарета – тот, кто совсем недавно принародно изгонял торговцев и менял из храма, Вашего храма.

Я знал, что вся храмовая торговля проходила через этого старца и приносила немалый доход. Зародить сомнение, показав, что интересы собеседника под угрозой, было моей

главной задачей. Но, видимо, Ханнана и сам уже много думал о опасном сопернике. Тут намечался двойной удар по его политическим и экономическим интересам.

– А тебя это почему волнует? Ты иудей? – играть с таким тертым калачом стоило очень осторожно.

– Я грек, родившийся в Финикии, но разбирающийся в вашем святом писании.

Парадокс. В Новом завете меня запишут единственным среди апостолов выходцем из Иудеи.

– Я один из учеников Иисуса из Назарета.

– Вот как! Тогда почему ты здесь?

– Надоело быть в тени учителя... Думаю, Вас он тоже сильно раздражает. Я простой бедный грек... А хотелось бы быть простым не бедным греком.

Я в упор посмотрел на первосвященника, давая однозначно понять, зачем я здесь. Ханнана удовлетворенно ухмыльнулся. Он был очень рад подвернувшейся возможности, но виду не показывал. Человеческая жадность – этому мотиву старик верил всегда. Для большей правдоподобности я немного поторговался; мы сошлись в цене. Завтра вечером я покажу Иисуса, а первосвященник соберет храмовую стражу и позаботится о поддержке римских солдат. Я не мог советовать Ханнанае, что делать, просто напомнил: у Иисуса огромное количество последователей, и моя шкура будет под угрозой. Поэтому брать его нужно тихо и сразу судить. Вряд ли Ханнана хоть на секунду задумался обо мне, но он понимал:

действовать нужно действительно быстро и решительно. Я еще не переступил порог его дома, а он уже отправил гонцов к членам судебного Совета, чтобы сообщить о заседании Трибунала завтра вечером.

Дальше, после суда Совета, нужно было реконструировать поход Христа к Пилату и Ироду. Тут в игру вступал Семен Давыдович – точнее, его деньги. Тессерарий – офицер, ответственный за караульных солдат, уже получил хорошее вознаграждение. Поход к Пилату и Ироду был вполне возможным, но не обязательным. Достаточно было продержать Иисуса-Андрея в римских казармах, впоследствии озвучив приговор от прокуратора, то есть от имени Понтия Пилата, и тоже сказать про Ирода. Прикормленный опцион – помощник центуриона, вполне мог все это повернуть, получив нужные бумаги и разрешения. Неплохие деньги были обещаны также простым солдатам. Сам Андрей должен был провести ужин с учениками, потом ждать, пока я сдам его властям, а дальше уповать на Бога.

– Андрей, а ты веришь в Бога? – спросил я его как-то.

– Ты знаешь, именно здесь, в Палестине, я почувствовал Божественное присутствие. Как это объяснить... Несмотря на то, что мы участвуем в самой большой мистификации в истории человечества, подделываем основные постулаты веры, я уверен: это угодно Богу. Слабым людям для веры нужны доказательства, и это то, чем занимаемся мы сейчас. Создаем доказательства. Восстанавливаем историю для них.

Три года я скитался по Палестине, и в один момент понял: кто-то должен говорить озлобленным, порою диким людям о любви, которая долготерпит, милосердствует, не ищет своего... Это, я уверен, богоугодное дело.

Уже на следующий день мы отправились в гефсиманский лагерь – место, где Андрея ждали ученики. Он представил меня своему окружению – естественно, как Иуду Искариота. Целый день я провел в Гефсимании. Меня тепло приняли, ведь привел меня сам Учитель. Андрей сразу оказался в центре внимания. Много разговаривал с людьми, назидал, учил. Мне довелось самому увидеть, как Андрей вкладывает в своих учеников постулаты нового завета. Евангелия, которого еще нет. Я же, старался ни с кем особо не общаться и наблюдать за всем на расстоянии. Эта разношерстная коммуна действительно поразила меня. Люди готовы были слепо следовать за ним, внимая каждому сказанному им слову. Они вместе молились, общались, принимали пищу.

Ближе к вечеру Андрей повел всех по склону Масличной горы, и вскоре мы поднялись на большую плоскую скалу, с которой как на ладони был виден весь Иерусалим. «Отец мой Небесный, пробил час!» – прокричал он, словно подавая сигнал к началу действий.

Мне особенно трудно вспоминать последнюю трапезу. Только маленькая группа самых преданных учеников собралась в Сионской горнице для тайного ужина по случаю празднования Пасхи. Андрей начал омыwać ноги совершен-

но смутившимся ученикам. Я не помню, что конкретно он говорил, да не так это и важно. Перед моими глазами предстал совсем другой человек. Спокойный, уверенный, переполненный внутренней силой и очень светлый. Его харизма распространялась, заполняя все пространство вокруг. Я находился под абсолютным воздействием его фантастического обаяния. Наверное, так и должен был выглядеть Сын Человеческий...

– Что решил делать, делай скорее, – его кодовая фраза, обращенная ко мне, была сигналом к действию.

В другое время, меня бы позабавил двойной смысл сказанного. Первый – Андрей говорит своему другу Александру, то есть мне, о переходе к следующей фазе операции, а второй – Иисус Христос адресует Иуде фразу, предсказавшую предательство и вошедшую впоследствии в Евангелие. В обоих случаях и без всякого подтекста то, что я решил делать, нужно было делать скорей.

Я покинул горницу и отправился к дому Ханнаны.

Мы стояли с начальником храмовой стражи у входа в Гефсиманский сад и обговаривали последние детали. Только что к храмовой страже и саддукеям, ожидавшим нас неподалёку, присоединились римские воины. Теперь группировка насчитывала около шестидесяти вооруженных человек. Изначально первосвященник хотел справиться силами только своих людей, и мне пришлось убеждать его: многочисленные сторонники Иисуса могут оказать серьезное сопротивление. Поколебавшись, Ханнана попросил содействия у Понтия Пилата. Я ждал именно этого. Только присутствие римских офицеров, точнее звеневшие в их карманах деньги Иосифа Аримафейского, вселяли надежду на успешное завершение операции.

Я шел впереди. Шагах в двадцати за мной следовала огромная процессия вооруженных людей с факелами. Я особо не беспокоился: Андрей отправил большую часть своей коммуны в лагерь, чтобы у учеников не возникло желания встать на его защиту. Я увидел Андрея, направился прямо к нему. Апостолы находились не далеко. Все должно было выглядеть, как встреча отлучившегося ученика с учителем. Я подошел, обнял и поцеловал его. Потом новозаветные хроники назовут это предательским поцелуем Иуды. На самом деле в тот момент, мне просто хотелось стиснуть своего дру-

га, обнять так, как делают у нас на родине, и верить. Верить, что все будет хорошо.

Моя миссия была выполнена. Стоило мне отойти, как стражники подбежали к Андрею, схватили и начали связывать. Несколько учеников наблюдали за происходящим в полной растерянности. Кто-то хотел ввязаться в драку, но не торопясь подошли римские солдаты и своим грозным видом охладили пыл и желание вступить в неравную борьбу. Стражники взяли Андрея в кольцо и повели к дому первосвященника. Какое-то время я брел, замыкая факельную процессию.

Нужно было срочно укрыться в доме Ланского до конца операции. Скоро весть об аресте учителя и информация о том, кто его предал, облетит весь город и мне небезопасно станет находиться на улицах Иерусалима. Но я не торопился. Я медленно брел по уже знакомым местам и никак не мог справиться со звенящим чувством, стыда. Я должен был это сделать, но что я сотворил?

Семен Давыдович открыл дверь сам. Он ждал меня. Я обнял его так же, как совсем недавно обнимал Андрея. Вот уж чего не ожидал: ком подкатил к горлу и несколько капель выкатились из глаз. Ланской понимающе похлопал меня по спине.

– Ну все, все, – совсем по-отечески сказал профессор, и мне даже стало неудобно за проявление излишней эмоциональности.

Дальнейший разговор как-то не клеился или, скорее, просто не требовался. Ланской посмотрел на меня и понял, что Андрея уже арестовали. Я, в свою очередь, хотел спросить профессора о римских офицерах. Все ли он сделал для того, чтобы они спасли моего друга? Но понял, насколько абсурдным станет этот вопрос. Конечно, Семен Давыдович сделал все от него зависящее, и даже больше.

Нам предстояло несколько мучительных часов ожидания. Ланской проводил меня в гостевую спальню, комнату, закрепленную за мной с момента прибытия в Иерусалим.

– Нам всем сейчас нужны силы. Поспите, если сможете. Завтрашний день будет длиннее сегодняшней ночи, – сказал профессор и оставил меня одного.

Примерно через четверть часа в дверь постучали.

– Господин, откройте, хозяин велел передать Вам.

На пороге стоял Халим с большим серебряным подносом. Он принес вино и закуски.

– Я уже в курсе, что арестовали Вашего друга, молодого учителя. Господи, святой человек! Все слуги только об этом и говорят.

Халим стал шумно расставлять яства на маленьком столике возле кровати. Вид у него был крайне взволнованный.

– Да. Это все прихвостни римлян. Боятся за свою шкуру. От этих чего угодно можно ожидать. Как бы завтра не казнили. Ой. Простите мне мою бестактность, господин.

Он слегка осекся, но через минуту продолжил:

– Говорят, его предала какая-то скотина из своих...

Меня словно полоснули бритвой. Слуга, конечно, не знал, что эта «скотина» находится прямо перед ним. Услышать это в первый раз было довольно тяжело.

– Вы поешьте, поешьте. А то совсем лица на Вас нет.

Халим наконец-то вышел из моей комнаты. Я не притронулся к еде. Битый час я лежал и разглядывал потолок. Думал только об Андрее. Как он выдержит этот ужасный день. Надежными ли окажутся римские офицеры – уповать оставалось только на них. Распятие действительно станет самым страшным испытанием для Андрея. Аккуратно ли его подвезят. Удобно ли подстрахуют веревками, как обещал Семен Давыдович. Запястья попадают в зону особого риска. Ну, ничего: если даже сухожилие заденут, главное, чтобы внутренние органы не пострадали. Буду срочно просить Ланского подготовить телепорт на завтра. Как только заберем Андрея, нужно сразу его отправлять назад в будущее. Там медицина посерьезней местной будет. Его там на ноги быстро поставят.

Мысль о том, что мы все скоро вернемся домой, понемногу успокаивала, расслабляла, и убаюкала меня вконец. Я не заметил, как уснул.

– Александр! Просыпайтесь. Я только что из верхнего города с вестями. Суд завершился. Приговор огласили. Командир иудейских стражников вернулся со своими людьми обратно в храм. До исполнения приговора Андрея передали караулу во главе с тессерарием.

Я услышал про римских солдат. Это внушало сдержанный оптимизм.

– Слава Богу. Надеюсь, Ваши римляне не подведут. Будем уповать на них.

– Дорогой Александр, в нашей ситуации, уповать нужно только на Бога, только на Бога, – Ланской поднял указательный палец правой руки, немного потряхивая всей кистью.

– Семен Давыдович, нужно срочно готовить телепорт. Как только мы сможем забрать Андрея, телепортируем его домой. Там медики его в два счета на ноги поставят...

– Саша, – Ланской перебил меня. – Саша, дорогой, присядь. То, что я сейчас скажу, нужно понять. Понять и принять...

Андрей никуда не полетит. И в глубине души ты, наверное, это знал.

У меня что-то екнуло внутри, но смысл сказанного был не совсем ясен.

– На нас троих лежит бремя огромной ответственности.

Существует вселенский план и на меня, и на тебя, Александр. Андрей принял свой. Шел к нему три года. Он осознанно выбрал этот путь. Понял, что именно для него был рожден и жил все предыдущие годы.

Неужели ты думаешь, что он мог отдать самый важный момент истории, в руки неизвестных корыстных людей? Мог понадеяться на удачу, на то, что маленький фокус с ненастоящей смертью способен заставить людей поверить в истинное чудо. Он доверял только мне и тебе. Это больше чем простая инсценировка. Чудо произойдет, только если пройти этот путь до конца. Я хоть и с тяжелым сердцем, но принял его благородный выбор. Андрей сомневался, примешь ли ты. Поймешь ли, за столь короткий срок пребывания в Палестине. Чтобы ты не смог помешать, он придумал план с хеппи-эндом. То есть с купленными римскими войнами. Александр, никакой договоренности с римлянами нет. И хеппи-энда тоже не будет.

Пришла моя очередь перебивать Ланского:

– Как Вы могли! Это же убийство! Никакая не историческая реконструкция, а убийство! Убийство друга чужими руками!.. Но с Вашего молчаливого согласия!

Я отодвинул старика и выбежал из дома. Профессор, крайне обеспокоенный, выкрикивал вслед мое имя.

Я готов был бежать в расположение римской армии и попытаться отбить Андрея голыми руками. Но это, конечно, было настоящим безумием. А если добиться от совета отмены приговора, или хотя бы его отсрочки? Включай логику. Если стража вернулась в храм, то члены совета тоже уже там вместе с первосвященником. Нужно попасть на совет. Я бежал к храму, размышляя, с чего же начать. Тут мысли переключились на другой вариант спасения. Отыскать трусливых учеников, попробовать собрать их вместе. Отвлечь внимание солдат. Понадобится оружие. Время. Очень мало времени. Ладно. Это потом. Это будет вариант номер два. Уже показались ворота храма. Я практически на лету проскочил в главные ворота через одного охранника. Заседания обычно проводили в храмовом зале из тесаного камня. Оттолкнув привратника, я вломился в зал. Совет все еще заседал. Какой-то выступающий старейшина остановился на полуслове, заметив меня в дверях. Все присутствующие в зале повернули головы тоже. Да, мое появление не осталось незамеченным.

– Ты пришел получить обещанную награду? – услышал я голос Ханнаны.

– Не совсем так, мой господин. Я хочу пожертвовать всю сумму храму, только дайте мне возможность говорить. – Об-

щая тишина послужила мне разрешением продолжить. – Я только что узнал, что Иисус из Назарета, человек, которого вы приговорили, не совсем здоров. Нет, он совсем не здоров! Теперь понятно, почему он называл себя мессией и избавителем Израиля. Это психическая болезнь. Он сумасшедший. Нужно посадить его в клетку и возить по городу во время приступов в назидание другим. Пусть горожане видят, кого они приветствовали как учителя и спасителя. Давайте оставим ему жизнь, и пусть все узрят милость совета!

– Кто разрешил ему выступать? – выкрикнул какой-то старейшина.

– Он разве член совета? – вторил другой.

Я попытался снова вернуть инициативу.

– Только послушайте. Ведь после этого все ученики Иисуса станут вашими рьяными последователями, и простые горожане тоже оценят столь широкий жест. Но не станем же мы убивать убогого.

Гул недовольных моей выходкой понемногу нарастал:

– Он хочет спасти своего наставника от казни.

– Предатель решил покаяться!

– Какие ему деньги – распять его рядом!

В дверях появились стражники и только ждали команды.

– Возьми деньги и исчезни.

Ханнана кинул мне мешочек с серебром и жестом приказал начальнику охраны вывести меня из зала. Я вдруг понял, что это конец. Чтобы я ни говорил, решение совета уже не

изменить.

– Не нужны мне ваши кровавые деньги. Пустите меня! – два бугая схватили меня за шкирку. Я, теряя равновесие, попытался запустить кошелек обратно в сторону первосвященника. Мою руку уже перехватили, и кошелек, пролетев половину пути, разлетелся серебряными монетами по каменному полу.

Я перебросил одного бугая через бедро, второго вырубил точным ударом в горло. Вот и пригодилась спецподготовка ФСБ. Андрей, я иду к тебе! В коридоре я разбросал еще несколько охранников, уверенно продвигаясь к выходу. И откуда они все повылезали. Нужно бежать в коммуну за помощью. Я уже толкнул огромную входную дверь, но в этот момент непонятно откуда мощнейший удар щитом по голове вырубил меня. Последнее, что я увидел, – открывающиеся ворота и с десятков разъяренных охранников, несшихся со всех сторон.

Я открыл глаза. Знакомая обстановка. Моя постель? Слава Богу, я дома! Все закончилось. Весь этот бред со спасением цивилизации и ответственностью планетарного масштаба позади! Я проснулся, я дома! Откуда-то сверху доносились монотонные раскаты грома. Я попробовал повернуть голову и осмотреться. Резкая боль молнией прошла через правое полушарие, поубавив во мне пыл. Стойте. Красивый маленький резной столик? У меня вроде такого не было.

О, Боже. О Боже, Боже, Боже...

Это не моя квартира. Я все еще в доме Ланского. Я снова услышал раскаты грома. Они стали меняться, принимая все более знакомые очертания. Монотонные, ритмичные – словно ди-джей поворачивает ручку на пульте, преобразовывая частоту звука из ватного гула в качественный Dolby Surround. Раскаты приняли очертание человеческого голоса. Я все еще не мог разобрать слов, но голос точно принадлежал Семену Давыдовичу.

– Александр, Саша, Вы меня слышите? Ну вот и отлично. Оклемался, дружок.

В голосе профессор пропали тревожные нотки.

– Это что же, любезный, – решили в столь ответственный момент оставить меня одного? Нехорошо, батенька. Ой, нехорошо. У нас еще столько дел недоделанных.

Я вспомнил все, что произошло со мной за последнюю неделю.

– Андрей?.. – голос мой прозвучал еле слышно. Я посмотрел в глаза Ланского. Профессор отвел взгляд.

– Да, Саш, да... Он погиб. Он достойно выдержал все испытания. Великий человек... Все прошло именно так, как и должно было быть... Я получил письменное разрешение от Пилата. Мне позволили забрать тело, несмотря на протесты иудейских старейшин. Андрей похоронен чуть северней Голгофы в моем фамильном склепе в цельной скале. Представляешь, какая задача передо мной стояла? – профессор немного оживился. – Для соответствия Евангельскому тексту нужно чтобы на третий день огромный камень, закрывающий вход в склеп, сам отвалился, оголяя пустую могилу. Чтобы там не было никакого тела. Потому что Иисус должен воскреснуть. Как мы поступили? Сначала, конечно, мы рассматривали самый простой и банальный путь: набрать пять-шесть молчаливых помощников, сдвинуть камень и выкрасть тело. Но, позвольте: куда девать римскую стражу? И наши сомнения были не напрасны. Сейчас склеп стережет десяток римских воинов, и еще на всякий случай иудейские старейшины оставили храмный караул. Уж больно они боятся возвращения воскресшего спасителя. Подойти незамеченным просто не представляется возможным. Но мы придумали просто гениальное решение.

Тело при погребении обматывают пеленами. Но вместо

обычной смирны и алоэ я использовал другой специальный состав для бальзамирования. Над составом, как и над подобием динамитной шашки, я трудился больше года. Новое суперщелочное вещество за три дня разъедает любое биологическое тело без остатка. Вот так-то. Ну а с огромным булыжником все чуть проще. Всего-то пришлось изобрести динамитную шашку. Когда мы с римлянами закрывали вход склепа огромным булыжником, я успел подложить несколько зарядов в виде камушков. Перед уходом я протянул к одному такому «камушку» бикфордов шнур. Останется только с приличного расстояния подпалить шнур, и adieu. Я не стану забивать тебе голову тротиловым эквивалентом, но, поверь, огромный камень, закрывающий вход в склеп, разнесет в клочья. Стражники услышат гул, то есть взрыв, придут посмотреть, а куски огромного булыжника будут валяться по сторонам. Точно как в Писании: землетрясение, камень отворяет гробницу, могила оказывается пустой.

Чем больше я об этом думаю, тем больше верю в фатум. В особое Божественное провидение. Все уже было предрешено. Даже твой безумный поступок оказался частью библейской истории. Ты помнишь, в Евангелии описано, как Иуда приходит к первосвященникам, просит спасти Иисуса и возвращает деньги за предательство? Мы ведь этого не планировали. Я случайно встретил разъяренных стражников, волочивших тебя. Как умудрился договориться о выкупе, пока они тебя не убили?..

... Что, устал? Извини, я что-то сильно разошелся. Давай, Саша, набирайся сил. Нам еще предстоит доиграть эту сложную партию.

Я проснулся, чувствуя себя намного лучше. Видимо, проспал довольно долго. В голове уже не шумело. Немного ныли отбитый бок и перемотанное правое предплечье, но боль была незначительная.

Лучи теплого апрельского солнца заполнили комнату, словно провозглашая: «Вот он, новый день, вселяющий надежду. Он настал. Жизнь прекрасна в любых ее проявлениях, и нет на свете ничего лучше, чем продолжать жить, просто радуясь милым лучикам». На меня нахлынули воспоминания, такие же теплые и светлые, как апрельское солнце.

Я никогда не был лидером. Так повелось с детства. Я часто болел. Мои родители так со мной намаялись, что, видимо, ни на что особенно не рассчитывали: главное, чтобы был здоров. Меня это очень устраивало. Далеко не все дети хотят доминировать, но почти все любят приврать, приукрасить, выискивают возможность выделиться хотя бы в чем-то. А я чувствовал, что мне не надо ничего доказывать. Мне просто было комфортно находиться там, где я есть. И обычно это место было в тени. Я привык зависеть от других людей и не любил сам принимать решения. Не могу сказать, что я при этом был глуп или плохо учился, – так, не лучше и не хуже других. Хотя позже мне таки довелось получить хорошее образование, повлиявшее на выбор моей профессии.

Начиная со средних классов я стал вечным Санчо Пансой. И мне это было по душе. Нет, я не лебезил перед сильными, не поддакивал вечно, ни за кем не таскал за портфелей. Но при этом всегда дружил с самыми интересными ребятами. Как так выходило, не знаю. Возможно, это чистая физика. противоположные заряды притягиваются.

Моя дружба с Андреем стала закономерной. Пять лет, начиная с первого курса, мы провели бок о бок. Он заразил меня тягой к знанию, таская по дополнительным занятиям. Молекулярная физика, термодинамика. Мы интересовались новейшими научными достижениями. Именно его неумная энергия, ну и провидение, привели нас в ангар Аркадия Владимировича Колосова.

В Палестине я встретил другого Андрея. Он был старше и мудрее. Он уже был не просто моим другом – он в одночасье стал другом для огромного числа своих последователей. И все же что-то осталось в этом человеке от моего питерского товарища. Я до сих пор не мог принять и одобрить его выбор, но именно под лучами апрельского солнца мне открылось понимание всего величия поступка Андрея.

Халим заглянул в комнату, увидел, что я проснулся, и сразу отправился за хозяином. Уже через пару минут ко мне зашел Семен Давыдович.

– Очень рад видеть, Александр, что силы к Вам возвращаются. Я не стал перегружать Вас в последнюю нашу встречу, но думаю, сейчас уже можно вернуться к делам. Итак, мы

переходим в заключительную стадию операции. Как обозвал ее ГБ-шный режимно-секретный отдел? «Израиль. Зарождение новой эры», не правда ли? Чудно. Хотел пошутить, но понял: для меня двадцатый век стал настолько далеким и чужим, словно я говорю о Марсе.

А теперь серьезно. Если телепорт продолжит функционировать, разрушится мир, который знаем мы. Любая организация или государство, в чьи руки попадет изобретение, не сможет удержаться от соблазна отправить телепортавтов познакомиться с прошлым. Затем неизбежно возникнет желание его переделать, дабы улучшить, как им представляется, свое будущее. Но самое страшное – никто не прогнозирует, насколько при этом изменится настоящее. Последствия могут быть ужасны. Мир действительно может рухнуть. Я создал адскую машину, а осознал это только в Палестине. Там, в Москве, я не думал о моральных принципах, был увлечен только чистой наукой.

Практическое применение телепорта, то есть наше перемещение, само по себе стало фактом, повлиявшим на будущее. Мы предстали перед выбором: просто наблюдать за происходящим, зная, что будущее станет совершенно другим, или приложить все силы для воссоздания той истории, которую знаем мы, а значит – и все следующие поколения. Нам удалось воссоздать историю христианства, поставив очень многое на карту, и даже больше. Кто-то отдал все. Даже жизнь. Нельзя, чтобы эта жертва стала напрасной.

Итак. Последний акт нашей пьесы должен стать таким. Ты отправишься домой. Я телепортирую тебя в ту же временную точку и место, откуда тебя отправлял мой помощник Евгений Михайлович. Ты попадешь обратно в ФСБ-шную лабораторию. Со стороны это будет выглядеть следующим образом: запускается обратный отсчет. Пункт назначения – прошлое. Группа ученых столпилась вокруг телепорта. Под воздействием лучей через тебя проходит свечение, оно усиливается, нарастает, достигает пика. Стоп. Завершается короткий, но полный цикл работы прибора. При этом телепортавт номер три, в отличие от предшественника, номера два, нигде не пропадает, а просто остается на месте. Значит, что-то пошло не так. Запуск считается неудачным. Никто из-за фазового бликового свечения не заметит, что телепортавт пропал на долю секунды и появился снова. Эта доля секунды и есть твое возвращение. К тебе бросятся ответственные медики. Станут расспрашивать о самочувствии. Ты будешь ужасно себя чувствовать; ну, это естественно – уже перемещался, в курсе. Тебе нужно только подтвердить: при запуске ты отключился, а очнулся снова в лаборатории. Естественно, никакой Палестины, никакого Ланского, никакого перемещения просто не было. И если даже приборы слежения зафиксируют твое отсутствие на долю секунды, да хоть на пять секунд, – тебе поверят. Дальше нужно сделать так, чтобы телепорт больше никогда не заработал. У тебя будет от двух-трех недель до месяца, пока соберут и обработают всю информа-

цию по твоему «неудачному» пуску. За это время нужно нарушить работу всего одного прибора, и все последующие попытки отправить телепортатов станут безуспешными. Я подробно объясню и покажу, что нужно делать. Если у тебя не появится возможности сделать это самому, то придется обратиться к Осипову. Он тебе поверит. Я приготовил информацию, известную только мне и ему. Ну и объяснишь мою позицию о разрушительном использовании телепорта. Он же был моим ассистентом. Он поймет.

– Что ж, может и сработать, – констатировал я.

– Должно сработать.

– А как же Вы, профессор?

– Отправлю тебя и уничтожу свой маленький прототип.

Мне возвращаться нельзя. Чекисты найдут способ заставить меня возобновить работу. Евгению Михайловичу же бояться нечего. Он только доводил до ума мой готовый прибор, а не создавал его. Он не сможет возобновить работу после диверсии, даже если захочет.

– Семен Давыдович, Вы что же – навсегда останетесь здесь, в Палестине, Иосифом Аримафейским?

– Да. Каждому из нас придется нести свой крест. К тому же меня никто не ждет в двадцать первом веке. Мне там особо делать нечего.

И последнее. Сегодня вечером у тебя появится возможность еще раз увидеться и попрощаться с Андреем.

Я кинул балахон-накидку на песок и расположился на нем. Место вроде похожее, хотя окончательной уверенности не было. Песок и песок. Вот она – песчаная коса, чуть поодаль – река. Даже если промахнулся с расчетами, то ненадолго. Всё-таки уже третий раз я оказывался на этом месте. Первый раз – когда телепортировался, второй – когда забирал свой рюкзак с деталями для Ланского из тайника, сейчас вот третий.

Очень интересно было увидеть, как из ниоткуда образуется канал – телепорт, и словно по мановению волшебной палочки появляется человек. По моим расчетам, оставалось около получаса до телепортации Андрея. Не терпелось поскорей на это посмотреть.

Я не люблю просто так сидеть без дела. Это не значит, что обожаю работать и, словно робот, в любую свободную минуту только и думаю, что бы еще сделать полезного. Скорее я патологически не могу сидеть на одном месте, выжидать, глядя на часы. Мне всегда кажется: зачем терять время впустую, ведь можно заняться еще чем-нибудь интересным. Допустим, есть у меня свободных полчаса. Я решаю: «Скучно как то просто ждать. А не дойти ли мне до речки? Ведь еще полно времени». Ну захотелось посмотреть, как быстро бежит вода, или что, нельзя просто помочить руки? Можно

подумать – пылливый ум. Это же здорово! Но стоит мне дойти до берега реки, как вместо того, чтобы наслаждаться пейзажем, прохладой воды, я уже думаю: «Нужно дуть обратно. Не дай Бог, опоздаю». К сожалению, так часто и происходит. Хочешь большего, но умудряешься упустить то, что было.

Когда я вернулся, Андрей уже лежал на земле. Я подбежал к нему, усадил и осторожно стал поить из принесенной с собой фляги, аккуратно придерживая. Нужно было дать ему немного времени для восстановления после перегрузок. Минут двадцать понадобилось, чтобы Андрей окончательно пришел в себя.

– Как все прошло? – хриплым голосом нараспев спросил он.

– Можешь быть спокоен. Ты достойно выдержал все испытания. Прошло именно так, как и задумал.

Представляю, как непросто спрашивать о своей смерти. Я намеренно не стал углубляться в детали, ограждая друга от лишних переживаний. Ему вполне достаточно знать, что он справился.

Больше вопросов не было. Андрей облокотился на меня. Одной рукой я придерживал его за пояс, другой – за левую руку, лежавшую на моем плече. Сначала мы шли очень медленно, но скоро Андрей смог идти самостоятельно. Мы заметно прибавили ходу. Направление осталось прежним: Иерусалим. Долго никто не нарушал тишины. Андрей спросил первый.

– Ты не сердишься за то, я обманул тебя?

– Сержусь, еще как сержусь... – неловкая пауза затягивалась.

– Знаешь, я просто хотел уберечь тебя от необдуманных шагов... И надеялся, и еще надеюсь, Сань, что когда-нибудь...

– Слушай, я тоже много думал, пытался проникнуться мотивом твоего вселенского поступка, но все равно пока никак не могу принять это самопожертвование. Ну, проповеди, ученики – с этим я смирился. Поверил в инсценировку... Но ты пошел дальше. Честно: я не знаю, что на свете может быть ценнее жизни. Она же одна. Не будет никакого второго шанса. Слышишь? Смерть, даже ради благой цели? Но это же смерть! Никто не оценит этого поступка, не увековечит твою память. Никто никогда не скажет: «Андрей-Христос пошел на смерть ради меня». Ты выполняешь миссию другого.

– Кто-то должен это сделать.

– Но почему ты? У меня было время все обдумать. Из-за дьявольской машины ты решился пойти на крест, но благодаря ей же есть еще шанс. Выслушай меня. Необязательно возвращаться на семь дней назад. Давай оставим все и махнем обратно в будущее. Никто ведь еще не отменял простой русский авось? А может быть, ничего страшного без христианства с миром и не случится? Может, все останется так же, как и было? А?

– Ты сам-то в это веришь?

– Я, как и ты, не могу ничего утверждать. А вдруг выгорит?

– Мы открыли ящик Пандоры, и на нас лежит обязанность закрыть его навсегда. Нельзя полагаться на авось, тем более убегать и прятаться в самый решающий момент. Как я смогу дальше жить, если из-за меня исчезнет хоть частица того мира, который знаю и люблю? И дело уже не только во мне одном. За мной стоят люди. Бросить их в самый последний момент не просто нечестно, а подло и низко.

– Понятно. Но почему умирать должен ты, а не они?

– Господи, как с тобой непросто... Хорошо. Попробуем зайти с другой стороны. Давай не увязывать ситуацию с религией. Идти на смерть за других – это не только удел Христа. Самые яркие иллюстрации обычно связаны с войной. Возьмем, к примеру, Вторую Мировую. Всегда находились те, кто закрывал собой взрывчатку, кто шел с гранатой на танк, таранил вражеский самолет. Люди сознательно жертвовали своей жизнью ради других. Ради одного общего дела. Ради будущего, если угодно. И кто же эти люди, как не Спасители?

Мы с детства восхищались героями, отдававшими свои жизни. Вспомни, как мальчишками играли во дворах. Стреляли из игрушечных пистолетиков. Если нас в игре ранили – кричали остальным из своего отряда: «Уходите, я вас прикрою», – отстреливались до последнего и гордо умирали.

Собственно, я поступаю так же. Моя мотивация – груз ответственности за будущее. Представь себе маленький винтик. Если сейчас его не вставить на уготовленное место, то

весь механизм с огромным количеством разных деталей, может заклинить, и сломаться вовсе...

– Так значит, ты у нас не избранный, а один из многих? Спаситель с нашего двора?

– Можно и так сказать. Я рад, что ты уловил суть. Давай договоримся не возвращаться к этой теме больше.

– Да ладно, ладно. Внутренне-то я смирился, но все-таки должен был попробовать тебя отговорить.

Уже стемнело окончательно, когда мы переступили порог дома Ланского. Семен Давыдович встретил нас в дверях. Последний отрезок пути мне снова пришлось помогать Андрею – у него уже не оставалось сил передвигаться без посторонней помощи, а к помощи слуг прибегать было нежелательно. Мы вдвоем аккуратно занесли Андрея в комнату и уложили в постель. Оказавшись в кровати, он практически сразу уснул.

Я основательно проголодался и отправился на поиски чего-нибудь съестного на кухню. Семен Давыдович тем временем начал готовиться к еще одному делу. Он переоделся в черное одеяние, став похожим на престарелого ниндзя. Чудной костюм помогал быть практически невидимым в темноте. Оставалось только пробраться под покровом ночи незамеченным к фамильному склепу и взорвать огромный камень, заваливший вход. Для очистки совести я предложил свою помощь, но профессор не особо в ней нуждался. Скорее даже наоборот: лишний человек мог привлечь ненужное внимание. Я это и сам прекрасно понимал. Старик попросил лучше этой ночью последить за Андреем, и я с пониманием отправился дежурить к кровати друга.

Утро я встретил скрюченным и крайне разбитым на стуле у кровати. Не помню, как отрубился вчера полусидя. Сна ор-

ганизму явно не хватило. Андрей, напротив, проснулся бодрым и полным сил. Он с нетерпением ждал двух вещей: завтрака и вестей от Ланского. Семен Давыдович, как всегда, решил все проблемы сразу. Он появился в спальне Андрея с большим серебряным подносом, который был уставлен разными блюдами, и не без гордости сообщил о своей успешной ночной вылазке.

– Друзья мои, это нужно было видеть! Какой взрыв, а? Там находилось с десятков римлян и еще около двадцати стражников храма и фарисеев. Некоторые попадали на землю, а когда дым рассеялся, добрую половину иудеев как ветром сдуло. Римские воины, понятно, не шелохнулись: военная подготовка. Но и они оробели. А тут еще с трехсекундной задержкой разваливается сам огромный камень. Я даже побоялся, что все сейчас драпанут, но, Слава Богу, замечательное движущее чувство – любопытство! Потянулись, родимые, как только камень развалился и вход в склеп стал свободным. Первыми осторожно двинулись вовнутрь представители совета, ну а за ними и все остальные, включая солдат. Я понервничал малость. Еле удержался, чтобы не вылезти из своего убежища и самому не заглянуть в пещеру. Стали выходить. Переговариваются. Спорят. Я как только краем уха услышал: «Я же сам камень задвигал. Никуда не уходил. Все дни тут провел... Куда же он мог испариться?» – успокоился и домой. Все на этом. То, что от меня зависело, я уже сделал. Теперь дело за нашим Спасителем.

Мне категорически не разрешалось выходить днем на улицу. Никто не должен был случайно увидеть и признать во мне Иуду Искаротиота. Этот персонаж погиб для всех. Я очень хотел пойти с Андреем, но пришлось отпустить его с Ланским, а самому сидеть и ждать.

– Знаете, Александр, я никогда не встречал более счастливых людей, чем ученики нашего друга, – с порога заявил Ланской. – Этот феномен безграничной радости достоин пристального изучения наукой. Скажу Вам больше. Я впервые ощутил его на себе. Что это? Психосоматика? Я словно заразился счастьем. Фантастические переживания. Нужно было видеть этих людей, когда перед ними предстал Андрей, целый и невредимый. Сначала лучик надежды проник в их засохшие души, а потом осознание факта воскрешения ударной волной накрыло их с головой. Словно удалось химически выделить чистую радость и вколоть приличную дозу каждому ученику. Да что там они – я, человек, который знает всю изнанку проекта, под воздействием общей истерии чувствовал себя счастливым, как никогда. Хоть сейчас садись за докторскую по групповой терапии.

– Можно ли эту тираду воспринять как официальное уведомление об успешном завершении операции? – спросил я, поочередно глядя то на Андрея, то на профессора.

– Думаю, что да. – Андрей выглядел счастливым. – Надеюсь, для вас Христониада заканчивается, а мне пора возвра-

щаться. Взбудораженный Ланской и я запротестовали в один голос.

– Куда? Зачем торопиться. Нельзя омрачать такой замечательный день расставанием. Нужно насладиться моментом.

Я предложил Андрею зависнуть в доме Семена Давыдовича на неопределенное время. А что? В конце концов, задержится он здесь на день, на неделю, или на месяц – все равно при обратной телепортации попадет во вполне конкретное время за четыре дня до распятия.

– Спасибо, конечно, но именно сейчас я чувствую в себе силы, чтобы учить и вести дальше. Нельзя расплыться по пустякам.

– Несколько лишних дней жизни – это пустяки?

– Эй, искуститель. Объясняю же: не могу я никак остаться. Давайте сегодняшний вечер проведем вместе, а завтра я отчалию.

Из уст Андрея это прозвучало так, словно он не собирался покинуть нас навсегда, а так, уехать по делам ненадолго.

Дом Семена Давыдовича был не только красивым и практичным, но и самым передовым. Одно строение отводилось под термы – Римские бани. Система центрального отопления, подогрев пола и стен – все как полагается. Гипокауст – отопительная система, находилась под кальвадием – самым горячим помещением. В этом и заключалась маленькая хитрость. При очень большом желании, без свидетелей, кальвадий можно было раскочегарить до температуры русской пар-

ной. Добавьте еще веники калипринского дуба и иерусалимской сосны. Профессор сам заготавливал их вдали от посторонних глаз, и вот появился повод апробировать.

Весь вечер мы просто болтали, вспоминая нашу студенческую жизнь в политехе. Славно попарились. Отличный выдался вечерок...

...Мы стояли втроем в ангаре-лаборатории. К телепортации все было готово. Наступал самый тяжелый момент. Расставание. Как бы Андрей ни преобразился за палестинский период своей жизни, для меня он все равно в первую очередь оставался моим другом. Другом, с которым прощаюсь навсегда.

– Саня, когда вернешься – присмотри за моими родителями, ладно? Ну и женись. Найди достойную девушку и нарожай детишек.

– Ты что, смерти моей хочешь? – попытался схохмить я и сразу же осекся. Неуместное, даже немного жестокое упоминание о смерти. Как-то угловато получалось.

– Да нет, наоборот. Доживи, пожалуйста, лет так до ста. За нас обоих.

Мы обнялись. Что-то похожее на суровую мужскую слезу выкатилось из моего глаза. Я хотел еще чего-нибудь добавить, но не смог. Слова застряли в горле комом. Пришлось сглотнуть. Не хотелось, чтобы Андрей это заметил.

Ланской в последний раз проверил оборудование и выжал рычаг.

Мои ушибы и ссадины, «подарочек» стражников храма, успешно заживали. А это означало, что можно смело готовиться к долгожданной телепортации домой. Последние дни сильно меня тяготили. Я просто валялся в кровати как овощ, потеряв всякий интерес к внешней жизни. После прощания с Андреем мы практически перестали общаться с профессором. Иногда ужинали вместе, но разговор как-то не клеился.

Он заглянул ко мне в комнату утром и сообщил, что все готово. Можно телепортироваться, когда пожелаю. Я без колебаний заявил:

– Отправьте меня как можно быстрее. Можно и сегодня.

Ланской кивнул в ответ. Вполне исчерпывающий жест. Разговор был окончен, но Давид Семенович не уходил. Он мялся еще какое-то время, прежде чем продолжить.

– Александр, я откладывал этот разговор, как только мог. Будь я на все сто процентов уверен, что ты попадешь обратно в свою ФСБ-шную лабораторию, то и не заикался бы. Да не бойся ты, так все и будет. Но... Я все же обязан тебя предупредить... Давай объясню все по порядку. Чтобы начать сначала, придется вернуться в советскую лабораторию.

Итак, после унижительного закрытия моего проекта, я решил доказать свою профессиональную состоятельность, и отправиться в прошлое. Есть только одна маленькая ремар-

ка: я не чокнутый обиженный фанатик, бросающийся в омут неизведанного. Билет в один конец, как позднее интерпретировали КГБ-шные товарищи, не мой путь. В отчете чекистов фигурировало: «Под воздействием лучей прибора Ланского, исчезают разные неодушевленные предметы; также проведен положительный опыт с живым кроликом».

Никому в голову не пришло обратить внимание на эти самые «неодушевленные предметы», а зря. Втайне от своих коллег мне удалось собрать еще один прототип аппарата, разобрать его на составные части и телепортировать в неизвестность, как те самые «неодушевленные предметы». Расчет очень прост. Куда бы я не телепортировался, я смогу там, на месте, из отправленных ранее частей собрать прибор и получить шанс вернуться обратно.

Так и вышло. Я совершил скачок в бездну и попал в Палестину. Я был несказанно счастлив. Еще бы – первое удачное перемещение, но и это еще не все. Я обнаружил почти все детали прототипа разбросанными в небольшом квадрате пустыни и нежно засыпанными песчаными бурями. Более полугода ушло на знакомство с местным колоритом, поиск помещения для лаборатории и, собственно, сборку телепорта. Да, мне удалось восстановить аппарат и главное – телепортироваться обратно. Что, не ожидал услышать такое? Да. Мне удалось вернуться.

А вот теперь слушай очень внимательно. Я хочу, чтобы ты как следует уяснил каждое слово. Я телепортировался в

советскую лабораторию восьмидесятых, а попал...

Настоящее изменилось, и ты даже представить себе не можешь насколько. Лаборатория была практически та же, но другие люди в других одеждах говорили со мной на другом языке. Я попытался заговорить на русском, затем на греческом. Безрезультатно. Меня не понимали. Арамейский оказался близок их языку, очень похожему на арабский, что позволило мне хоть как-то общаться с ними. Я попал в 1407 год, как мне сообщили. Известие меня обескуражило, мягко говоря. Я просто не в состоянии был хоть как-то себе это объяснить. Сознание зацепилось за знакомое слово: Раби ас-сани. Это же название месяца в мусульманском календаре! Ты вообще знал, что такой календарь имеется? Он даже является официальным в некоторых мусульманских странах.

В исламском календаре летоисчисление ведется с 622 года нашей эры, от Хиджи, даты переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину. И хотя у этого лунного календаря более мудреная структура, дней в году меньше, и месяцы которые приходятся на лето, через некоторое время перемещаются на зиму, и наоборот – все равно, используя формулу перевода календарей: $I = G - 622 + \{(G - 622) / 32\}$ можно рассчитать, что 1407-й исламский соответствует второй половине восьмидесятых годов двадцатого века. То есть фактически я вернулся обратно в то же место и время, но мир вокруг стал другим. Не было ни Советского Союза, ни русского языка, ни тех людей, которых я знал.

Когда прошел шок нескольких первых минут, я задался вопросом: в чем дело?

Я проанализировал свои действия и обнаружил одну очень важную деталь, которой не придал сначала никакого значения. Когда я впервые попал в Палестину времен начала новой эры, то, конечно же, хотел своими глазами увидеть Иисуса из Назарета. Но за те полгода я так и не нашел ни одного упоминания о Христе. «Не судьба», – подумал я и успокоился. А потом понял: именно отсутствие реального Иисуса из Назарета, человека из плоти и крови, несшего новое учение и ставшего мессией, изменило ход истории. Это же очевидно! Он являлся краеугольным камнем, выведившим человечество на другой виток развития. Мне оставалось или принять новую реальность, или найти, а может, воссоздать эту историческую личность, дабы восстановить ход истории и как следствие – настоящее, знакомое мне и тебе.

Хватило нескольких минут, чтобы все это осознать. На мое счастье, в лаборатории находились ученые, подобные мне. Они смотрели на меня как на Бога, восьмое чудо света. Еще бы. Я появился из аппарата, созданного для приема и ни разу не использованного. И я воспользовался ситуацией, взывая ученых мужей к солидарности и профессиональной этике. Они мне помогли, и отправили обратно. Ну, это только на словах все так просто, а на деле...

Да ладно. Опустим детали. Главное – я снова вернулся в Палестину. Сам я никак не мог стать Христом. Во-пер-

вых, слишком стар, а во-вторых, должен же кто-то контролировать процесс со стороны. Я провозгласил себя Иосифом Аримафейским и пошел на службу к Понтию Пилату. Да, пришлось помудрить с письмом в будущее. Мне были нужны два молодых человека, отправленных из моей лаборатории. Детали для сбора телепорта – это так, отвлекающий маневр, возможность контролировать вас на месте. Первый прибывший должен был стать Иисусом, а второй, после окончания операции, – отправиться назад и дезактивировать телепорт.

Ну, теперь понятно?

– Это же ужасно, цинично, и... – я был полностью подавлен.

– Да. Ужасно. Сначала подготавливать, возвращать, а затем отдать человека на заклятие... Терзался ли я угрызениями совести? Ответственность за ход истории – превыше дружбы, привязанности или любви. В огромных жерновах истории нет места каким-то условностям морали. Я ненавязчиво подводил Андрея к судьбоносному решению, а принял он его сам, и прошел весь путь до конца.

Теперь все в твоих руках. Я искренне надеюсь, что ты все поймешь, осознаешь и примешь. Андрей выполнил свою миссию, я свою. Дело за тобой. Тебе предстоит разделить и понести меру совсем другой ответственности. Видит Бог, мы сделали все, чтобы сработал первый сценарий. Я почти уверен, дальше тебя ждет простая нормальная долгая жизнь. Но все же, если что-то пойдет не так, тогда ты, так же как и я ко-

гда-то, должен встать на защиту будущего. Я передаю в твои руки заботу о нашей с тобой общей истории.

Я в последний раз киваю профессору, прощаясь и давая понять: к старту готов. Вжимаю пальцы в деревянные рукоятки аппарата Ланского и, стиснув зубы, готовлюсь к предельным нагрузкам. Представьте себя помещенным в огромную центрифугу, постепенно набирающую обороты. Становится невозможно дышать, словно огромная волна накрывает все пространство. Время застывает. Тысячи ножей пронзают на самой предельной скорости, но центрифугу это не останавливает. Непонятно, когда и как она начнет останавливаться. Привыкнуть к такому невозможно. Я вырубаясь, улетаю куда-то в детство...

Мне было тогда лет семь, или восемь. Пол-лета я провел у бабушки в дачном поселке, гуляя с друзьями-ровесниками. Некоторые приехали из города, другие жили в соседней деревне постоянно. Мы бегали дни напролет, купались в озере, загорали.

Нас было четверо. Я, Лешка, старше меня на год, Сережа и Васек, деревенский малый, самый младший из нас. Вообще-то Васька брать не хотели: он все время мешался под ногами, дразнился и убегал. Но он выследил нас и грозился разболтать о нашем тайном месте. Мы мечтали построить свой штаб. Даже начали рыть ров в дальнем конце озера, а потом хотели укрыть его досками, которые таскали тайком

от взрослых. Кто-то притащил из дома большую лопату. Ею мы по очереди ковыряли землю для рва. Травяной слой почвы с горем пополам сняли, но дальше яма нам не давалась. Уж больно тяжело было вынимать лопату с землей.

В тот день Сережа начал копать, а мы полезли в озеро. Минут через пять Сергей потребовал его сменить. Мы с Лешей хотели продвинуться дальше в нашем деле, и решили копать вместе: один держит лопату, другой прыгает на ней, чтобы она поглубже села в землю. Затем вместе мы расшатывали лопату и доставали землю. Этот метод оказался более продуктивным, и мы наконец-то смогли немного углубиться. Сергей выскочил из воды и смотрел на наш доблестный труд. Вдруг мы заметили, что Васьки рядом нет. Посмотрели в озеро – не видно; покричали, искали у воды. Нет нигде. Подумали, что убежал домой, как раз время к обеду. Начали собираться. Сначала спрятали в кустах лопату, затем завалили нашу яму лопухами. Начали одеваться, разбирая наваленные в одну кучу вещи. Васина футболка, шорты и сандалики лежали тут же. В одних плавках он убежал, что ли?

После обеда я дошел до конца улицы нашего поселка. За ней сразу начинались деревенские дома местных жителей. Васька жил в третьем доме справа. Я, не заходя во двор, покричал его несколько раз. На мой голос вышла Васина мама. Я ей сказал, что Васька забыл у озера свою одежду.

Женщину словно подкосило, она вцепилась в мою руку и потащила меня к озеру, переспрашивая в очередной раз,

где я последний раз видел ее сына, приговаривая, почему мы не приглядывали за младшим. Я напугался, но женщина не останавливалась и не ослабляла хватку, приговаривая только: «Господи, Господи»... По дороге нам попались знакомые мужики. Мать Васи начала с ними разговаривать, но не смогла продолжить, зарыдала в голос...

Я никогда не забуду ее истошный крик – нет, даже какой-то животный визг, когда достали уже посиневшего Васю из воды. Я сам этого не видел. К тому моменту у озера столпилось половина поселка. Моя мама пришла тоже, взяла меня за руку и повела прочь. Мать Васи больше не кричала. У женщины уже не было сил. Не знаю, как так получилось, но она повернулась в мою сторону и очень тихо спросила: «Почему»? Казалось, ее вопрос адресован только мне, и это было самое страшное.

Я тогда впервые почувствовал сверлящее, обжигающее чувство беспомощности и вины...

И сейчас я никак не могу от него избавиться, ощущая трусливую природу, порождающую это чувство. Сегодняшнее чувство вины намного сильнее моих детских страхов. Меня преследует все тот же вопрос – почему?

Передо мной возникает образ мамы Андрея, Ираиды Марковны. Я хорошо знаю эту добрую заботливую женщину. Она пристально смотрит на меня и спрашивает одними глазами: «Почему?»

Андрей, как мне жить дальше? Я виноват. Сколько бы раз

я ни произнес банальность о смерти, забирающей лучших из нас, как бы, театрально вскинув руки, не добавлял: «Почему ты, а не я?»

Наедине с собой я давлюсь стыдливими слезами, но, презирая себя, тихо радуюсь. Да, радуюсь. Именно мне выпал шанс выжить. Выжить и жить дальше, в какую бы реальность я ни попал. Я буду жить.

Перегрузки прекращаются так же резко, как и начались. Все. Прибыли. Мутит, словно только что слез с запредельных американских горок. Я с трудом пытаюсь открыть глаза. Все плывет. В ушах непрерывный фон-сигнал: «Не забудьте выключить телевизор». Ничего не различаю. Сплошная белая пелена. Я снова закрываю глаза, жду, когда меня перестанет качать по невидимым волнам.

– Дыши ровно, успокойся. Готов? Ну же, – говорю я себе. – Ты все сможешь, – как мантру, повторяю последнюю фразу.

Снаружи различаю какой-то шум. Все. Пора. Вот он, час икс.

Только тот, перед кем не властно время, может созерцать красоту и мудрость жизни, совершая истинные деяния.

Я собираю остатки мужества и открываю глаза.

Редактор – Любовь Каракуц.

в оформлении обложки использовалась фотография <https://pxhere.com/ru/photo/946238> по лицензии ССО